ОСНОВНАЯ БИБЛІОТЕКА

Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ.

*Шкафъ* ..... *Общій №* 421

*Отдѣлъ* Ha

*№ отд.* 5

24 1/14

ТИП. Н. СВИРИДОВА, МОСКВА

# ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

В. Кудрявцева.

Второе изданіе.

B
69

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Б. Чернышевскій п., д. Пустошкина,
*противъ Англійской церкви.*
1890.

B

„Пров 38“

ПРОВ 1957

Пр.

В
69

От Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 4 Августа 1890 года.

Цензоръ Протоіерей *Платонъ Капустинъ*.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

210673

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

## I. Понятіе о философіи.

Необходимость разъясненія понятія о философіи ..... 1
Разсмотрѣніе содержанія положительныхъ наукъ съ цѣлію болѣе точнаго опредѣленія задачи философіи ..... 7
Опредѣленіе философіи ..... 20

## II. Методъ и научная форма философіи.

Невозможность рѣшенія философскихъ вопросовъ при помощи одного аналитическаго метода ..... 21
Необходимость для философіи синтетическаго метода ..... 23
Необходимость въ философіи дополненія синтеза анализомъ и взаимное ихъ отношеніе ..... 25
Систематическая форма философіи ..... 32

## III. Составъ философіи.

Основныя, составныя и прикладныя философскія науки ..... 35

## IV. Значеніе философіи для науки и жизни.

Отношеніе философіи къ религіи ..... 39
Отношеніе философіи къ наукамъ положительнымъ ..... 47
Разборъ важнѣйшихъ возраженій противъ значенія философіи ..... 51

# Введеніе въ философію.

## I.

## Понятіе о философіи.

**Необходимость разъясненія понятія о философіи.** Въ большей части наукъ содержаніе ихъ, хотя въ въ общихъ чертахъ, выражается въ самомъ ихъ названіи; богословіе напр. есть наука о Богѣ, физика—наука о природѣ, зоологія, минералогія, ботаника—науки о животныхъ, минералахъ, растеніяхъ и т. п. Если и есть нѣкоторыя науки, названія которыхъ не соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствительному содержанію, напр: математика (слово, которое означаетъ ученіе, науку вообще), геометрія, физіологія, геологія и др., то въ подобныхъ случаяхъ общее словоупотребленіе все же установило за этими названіями болѣе или менѣе опредѣленный и ясный смыслъ, по которому каждый, сколько-нибудь образованный человѣкъ, довольно вѣрно понимаетъ общее содержаніе той или другой науки. Но если бы въ обычномъ пониманіи содержанія какой либо науки даже образованными людьми встрѣчалась какая либо неточность или неопредѣленность, то этотъ недостатокъ вполнѣ устраняется въ области знанія научнаго, гдѣ и задача и границы каждой науки должны быть установлены съ полною ясностію и опредѣленностію.

Въ иномъ положеніи находится философія. Что касается до самаго слова: *философія* (любомудріе), то оно даетъ намъ очень неопредѣленное представленіе *о мудрости*, не говоря точнѣе, въ чемъ состоитъ эта мудрость и отличіе ея отъ познаній, входящихъ въ составъ другихъ наукъ, которыя также имѣютъ полное право называться мудростію. Также мало для объясненія содержанія философіи даетъ намъ и понятіе *любви*, присоединяемое въ ея названіи къ понятію мудрости. И каждая наука не обязана ли своимъ происхожденіемъ любви къ знанію и не предполагаетъ ли въ занимающемся ею любви къ своему предмету? Поэтому и каждая наука имѣетъ право въ своемъ родѣ называться любомудріемъ,— философіею *).

Но можетъ быть то, чего не даетъ намъ буквальное значеніе слова: *философія*, замѣняется твердымъ, общепризнаннымъ понятіемъ о ея содержаніи? Но и въ этомъ отношеніи наша наука находится далеко не въ столь выгодномъ положеніи, какъ другія науки. Каждый, сколько нибудь образо-

---

*) Древнее преданіе (сохранившееся у Діогена Лаэрція и Цицерона) начало слова: *философія* возводитъ къ Пиѳагору. По этому преданію, Пиѳагоръ пришелъ въ Фліосъ, греческій городъ въ Елидѣ, и часто бесѣдовалъ здѣсь о разныхъ предметахъ съ тамошнимъ княземъ Леономъ. Князь дивился разуму и краснорѣчію своего гостя и спросилъ его: „въ какой наукѣ или искусствѣ онъ считаетъ себя особенно свѣдущимъ?"—„Ни въ какой," отвѣчалъ Пиѳагоръ, „я только философъ". Это имя владѣтелю Фліоса показалось новымъ и страннымъ. „Что за люди—философы", спросилъ онъ, „и чѣмъ отличаются они отъ другихъ людей?"—„Человѣческую жизнь", отвѣчалъ Пиѳагоръ, „можно сравнить съ большимъ торжищемъ и съ олимпійскими играми. На торжищѣ есть продавцы и покупатели, которые стараются пріобрѣсти прибыль; на играхъ участники ихъ заботятся о славѣ и извѣстности; но тамъ есть еще третій классъ людей,—это зрители, которые смотрятъ на тѣхъ и другихъ и внимательно наблюдаютъ, что тамъ происходитъ. Такъ и въ жизни людской: большая часть людей заботится только о богатствѣ и славѣ; все здѣсь погоня и движеніе; одинъ гонится за тѣмъ, другой—за другимъ. Только немногіе среди этой шумной толкотни не принимаютъ въ ней участія, но созерцаютъ и изслѣдуютъ природу вещей и познаніе истины любятъ больше всего; это любители мудрости—философы. Называются же они *философами*, а не мудрецами (*σοφοί*) потому, что мудрымъ можетъ быть только одинъ Богъ, человѣку же свойственно только стремленіе, любовь къ мудрости".

ванный человѣкъ, довольно ясно понимаетъ, что́ такое напр. математика, химія, физіологія, ботаника, хотя филологическій смыслъ этихъ терминовъ можетъ быть для него непонятенъ, да и на самомъ дѣлѣ не соотвѣтствовать точно ихъ дѣйствительному содержанію. Но что́ такое философія? Съ этимъ словомъ даже въ умахъ довольно образованныхъ людей не соединяется часто никакого другого понятія кромѣ представленія о чемъ-то темномъ, отвлеченномъ и трудномъ для уразумѣнія. Одинъ, предубѣжденный противъ нея, скажетъ, что это—наука, занимающаяся пустыми отвлеченностями; другой, предрасположенный въ ея пользу, скажетъ, что это—очень важная наука, занимающаяся возвышенными предметами. Но что такое каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ именемъ отвлеченности-ли то или возвышенности, —на этотъ вопросъ мы едва ли дождемся точнаго и опредѣленнаго отвѣта.

Такой точности и опредѣленности, повидимому, мы вправѣ были бы ожидать отъ людей науки вообще; но и здѣсь наши ожиданія остаются далеко неудовлетворенными. Въ области науки вообще мнѣнія о философіи расходятся до противоположности. Тогда какъ одни вполнѣ признаютъ и ея самостоятельность и важное значеніе въ области науки, другіе отрицаютъ самую возможность философскаго познанія и въ опытахъ такого познанія видятъ лишь неудачныя попытки рѣшить при помощи умозрѣнія такіе вопросы, которые или вовсе неразрѣшимы для человѣческаго ума или рѣшенія которыхъ мы должны ожидать единственно отъ естествознанія.

Если изъ области научнаго знанія вообще перейдемъ въ область философіи, то и здѣсь къ удивленію не встрѣтимъ желаемаго единомыслія въ пониманіи предмета и задачи философіи. И среди философовъ были лица, сомнѣвавшіеся въ возможности философіи вообще или нѣкоторыхъ частей ея,—напр. метафизики. Что же касается до опредѣленій философіи у различныхъ философовъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что сколько философскихъ системъ, столько и опредѣленій философіи. Одни изъ этихъ опредѣленій страдаютъ общно-

раціональномъ обоснованіи ея собственныхъ началъ. Имъ казались вовсе ненужными, странными, даже смѣшными усилія философовъ доказать такія напр. очевидныя истины, какъ существованіе внѣшняго міра, Божества, достовѣрность мышленія, обязательность предписаній нравственнаго закона и т. п. Имъ казалось, что если и нужно для насъ какое либо удостовѣреніе этихъ и подобныхъ истинъ, то его нужно искать не въ какихъ либо утонченныхъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, но или а) въ простомъ *свидѣтельствѣ* здраваго или *общаго смысла*, или б) въ непосредственной, на чувствѣ основанной, *вѣрѣ* въ эти истины.

1. **Философія общаго** (здраваго) **смысла.** Философія общаго смысла исходитъ изъ того предположенія, что въ душѣ человѣка самою природою напечатлѣны, какъ бы врождены всѣ высшія и необходимыя для его разумной и нравственной дѣятельности истины; такова напр. увѣренность въ достовѣрности нашего познанія, въ бытіи Божіемъ, въ обязательности нравственнаго закона и пр. Такъ какъ эти истины суть первоначальныя и не выводимыя изъ какихъ либо другихъ истинъ, то онѣ не имѣютъ нужды въ какомъ либо ихъ обоснованіи или доказательствѣ. Всѣмъ людямъ прирождено чувство истины, которое съ непреодолимою силою убѣдительности утверждаетъ для насъ эти коренныя истины нашего знанія. Задача философіи должна состоять не въ доказательствѣ этихъ истинъ, а только въ ихъ открытіи и отличеніи какъ отъ другихъ производныхъ истинъ, такъ и отъ ложныхъ мнѣній, которыя мы, довѣряясь личному нашему чувству, могли бы принять за первоначальныя истины разума. Несомнѣннымъ же признакомъ первоначальности какой либо истины, отличающимъ ее отъ всякаго другаго рода истинъ и мнѣній, служитъ согласное признаніе ея всѣми людьми; согласіе всѣхъ людей въ чемъ либо, какъ говоритъ Цицеронъ, должно быть почитаемо голосомъ самой природы: разумъ частный можетъ заблуждаться, разумъ всеобщій непогрѣшимъ *).

---

*) Первое начало философіи общаго смысла мы находимъ у Сократа, который въ непосредственномъ свидѣтельствѣ общаго всѣмъ людямъ нравственнаго сознанія искалъ завѣренія всѣхъ высшихъ истинъ нашего знанія и жизни. Природное чувство истины, подтверждаемое согласіемъ всѣхъ людей, почиталъ критеріемъ истины Цицеронъ. Въ новой философіи начало общаго смысла поставлено во главу этой нау-

значенія этого слова, изъ смутныхъ представленій о ней большинства, или изъ разнорѣчивыхъ, часто темныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій ея у философовъ?

Но и на этомъ пути разъясненія дѣйствительнаго содержанія философіи насъ встрѣчаютъ большія затрудненія и недоразумѣнія. Оказывается, что не одно и то же въ различныя времена признавалось философіею и носило это имя. Предѣлы ея то расширялись по всей почти области научно-познаваемаго, такъ что всѣ науки сливались съ философіею какъ ея отрасли, то сокращались до такой степени, что ей какъ будто и вовсе не оставалось мѣста и занятія среди другихъ наукъ. Первое имѣло мѣсто въ древности; философія тогда обнимала почти всѣ науки и Цицеронъ, согласно съ Стоиками, довольно вѣрно могъ опредѣлять ее такъ, что она есть rerum divinarum et humanarum scientia. Дѣйствительно, въ системахъ древнихъ философовъ мы часто встрѣчаемъ изслѣдованія, которыя въ послѣдствіи времени, съ бо̀льшею спеціализаціею наукъ и съ болѣе строгимъ разграниченіемъ области опыта и умозрѣнія, выдѣлились изъ философіи и вошли въ составъ наукъ эмпирическихъ и положительныхъ. Таковы напр. свѣдѣнія о формѣ земли, о величинѣ и движеніи небесныхъ тѣлъ, о свойствахъ различныхъ растеній и минераловъ, о происхожденіи органическихъ существъ, которыя встрѣчаемъ въ древнихъ философскихъ системахъ. Таковы напр. изслѣдованія математическія, грамматическія и риторическія, положительное ученіе о законодательствѣ.

Если въ древности философія страдала неопредѣленностію и широтою своихъ границъ, то въ новомъ мірѣ, съ постепеннымъ развитіемъ знаній положительныхъ, предѣлы философіи начинаютъ болѣе и болѣе съуживаться. Ученіе о природѣ, послѣ постепенныхъ уступокъ своего содержанія эмпирическимъ наукамъ, совершенно отдѣлилось отъ философіи. Политика и право развѣтвились въ нѣсколько отдѣльныхъ наукъ съ положительнымъ характеромъ. Ученіе о человѣкѣ съ его физической стороны также давно отошло въ область естествозна-

нія. Но уступка философіею значительной части своего содержанія другимъ наукамъ не спасла ее отъ смѣлыхъ притязаній и на другія, повидимому остававшіяся за нею, части. Успѣшное приложеніе эмпирическаго метода къ познанію видимаго міра съ одной стороны, противорѣчія и недостатки философскихъ системъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ знанія и жизни съ другой, привели многихъ къ мысли, что философія во всѣхъ областяхъ знанія можетъ быть замѣнена положительными науками и что въ настоящее время она можетъ имѣть только историческое значеніе, какъ извѣстный (умозрительный) способъ изслѣдованія міра, излишній при существованіи и усовершенствованіи другого,—эмпирическаго.

Дѣйствительно, на какую бы изъ сторонъ человѣческаго познанія мы ни обратили вниманіе, вездѣ встрѣчаемъ опыты положительнаго и эмпирическаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые въ древности рѣшались путемъ умозрѣнія,—опыты, которые повидимому дѣлаютъ философію излишнею. Три главные предмета составляютъ содержаніе человѣческаго вѣдѣнія: Богъ, міръ и человѣкъ. Но въ дѣлѣ познанія о Богѣ мы имѣемъ передъ собою, независимо отъ философскаго, религіозное, а въ христіанской религіи — откровенное ученіе о Богѣ. Повидимому, не безъ основанія можно спросить: если есть богооткровенное ученіе и наука, систематически излагающая это ученіе,—богословіе, то какое значеніе можетъ имѣть наука которая, какъ показываетъ ея исторія, съ большими усиліями и малымъ успѣхомъ старается рѣшить тѣ вопросы, которые точно и вѣрно рѣшаются въ другой? Что касается до ученія о мірѣ видимомъ, то безспорно, что тѣмъ блестящимъ состояніемъ, въ какомъ находится познаніе о природѣ въ настоящее время, наука обязана не философскому умозрѣнію, а естествознанію, основанному на опытѣ и наблюденіи. Это приводитъ многихъ къ мысли, что возможно и законно только одно эмпирическое познаніе міра видимаго, что всякаго рода философскія изслѣдованія о природѣ не могутъ привести ни къ какимъ прочнымъ и достовѣрнымъ ре-

зультатамъ. Остается повидимому для философіи ученіе о духовной сторонѣ человѣка и о коренныхъ обнаруженіяхъ ея въ дѣятельности теоретической и практической,—психологія, теорія познанія (логика) и нравственности (иѳика). Но и на эту часть философіи изъявляетъ притязаніе естествознаніе. Отвергая самостоятельность духовнаго начала, матеріалическое естествознаніе на человѣка смотритъ, какъ на часть той же видимой природы, которую изучаютъ науки опытныя; психическія явленія оно считаетъ своеобразнымъ продуктомъ органической жизни и въ психологіи видитъ только особую главу физіологіи. Другіе, не отвергая рѣшительно самостоятельности психическаго начала, утверждаютъ совершенную его непознаваемость и считаютъ единственно возможною «психологію безъ души», т. е. одно чисто эмпирическое изученіе феноменовъ душевной жизни. Что касается до основныхъ проявленій психической жизни,—знанія и дѣятельности, то съ разсматриваемой нами эмпирической точки зрѣнія изученіе ихъ возможно лишь со стороны чисто физической, а никакъ не умозрительной или философской. Логика и иѳика изъ наукъ философскихъ, опредѣляющихъ, какъ должно мыслить и какъ должно дѣйствовать, превращаются въ науки чисто эмпирическія, описывающія простые факты сознанія, необходимо условливаемые строемъ нашего организма и неотразимымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни.

Такимъ образомъ, будучи общимъ историческимъ корнемъ почти всѣхъ наукъ, философія въ настоящее время повидимому не удержала за собою безспорно никакого спеціально принадлежащаго ей предмета изслѣдованія, что приводитъ многихъ къ мысли, что какъ самостоятельная наука она теперь уже не существуетъ, раздробившись и исчезнувъ въ другихъ наукахъ, отживъ свое время, какъ необходимое переходное время для ихъ появленія на свѣтъ и воспитанія.

**Разсмотрѣніе содержанія положительныхъ наукъ съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія задачи философіи.** Въ виду подобнаго недоумѣнія относительно возможности существованія

философіи въ настоящее время, мы должны попытаться точнѣе опредѣлить дѣйствительное ея содержаніе въ отличіи отъ другихъ наукъ. Мы должны рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли положительными науками исчерпывается все содержаніе человѣческаго познанія такъ, что на долю философіи въ настоящее время не остается ничего, что̀ могло бы составить предметъ ея, какъ особой, самостоятельной науки?

Для рѣшенія этого вопроса, мы должны обратить вниманіе на содержаніе важнѣйшихъ отдѣльныхъ областей научнаго познанія и посмотрѣть, нѣтъ ли въ каждой изъ нихъ какихъ либо вопросовъ, которые не разрѣшаются или не могутъ быть правильно разрѣшены въ предѣлахъ спеціальныхъ наукъ и при помощи эмпирическаго метода? Нѣтъ ли въ области познаваемаго нѣкоторыхъ сторонъ или предметовъ, которые могли бы служить предметомъ особаго самостоятельнаго изслѣдованія и давать содержаніе для философіи?

Внимательное разсмотрѣніе содержанія наукъ положительныхъ дѣйствительно показываетъ намъ, что въ каждой изъ нихъ есть: а) понятія и при томъ основныя, которыя обыкновенно принимаются безъ изслѣдованія, на вѣру, но которыя тѣмъ не менѣе, по ихъ принципіальному значенію въ наукѣ, необходимо требуютъ раціональнаго изслѣдованія и обоснованія, чтобы наука могла быть наукою въ точномъ и строгомъ смыслѣ, то-есть совокупностью познаній, основанныхъ на началахъ вполнѣ достовѣрныхъ и доказанныхъ; б) есть важные для знанія и жизни вопросы, которые невольно вызываются и навязываются мыслящему уму при изученіи каждой почти спеціальной науки, но на которые однакоже наука или не даетъ отвѣта, или если и пытается дать, не выходя изъ своей спеціальной сферы, то по самой узкости и односторонности этой сферы даетъ только односторонніе и потому невѣрные отвѣты.

Для убѣжденія въ этой истинѣ, мы, не входя въ подробное изслѣдованіе содержанія каждой изъ многочисленныхъ спеціальныхъ наукъ, остановимъ вниманіе на трехъ главныхъ

предметахъ человѣческаго вѣдѣнія, кои суть: Богъ, міръ и человѣкъ, и посмотримъ, все-ли, что̀ можно сказать, говорятъ о нихъ спеціальныя, касающіяся этихъ предметовъ, познанія и науки?

1. Ученіе о Богѣ составляетъ содержаніе многочисленныхъ и разнообразныхъ вѣрованій человѣчества. Понятіе объ этихъ вѣрованіяхъ, конечно, можно получить какъ изъ письменныхъ памятниковъ каждой религіи, такъ и изъ исторіи религій. Но задача истинно научнаго познанія предмета не можетъ ограничиться однимъ знаніемъ фактовъ и указаніемъ ихъ преемственности и ближайшей внѣшней связи; высшая цѣль науки состоитъ въ пониманіи смысла этихъ фактовъ, въ открытіи ихъ внутренняго начала и уясненіи законовъ ихъ развитія изъ этого начала. Но можетъ ли привести къ этой цѣли одно изученіе вѣрованій различныхъ народовъ? Очевидно, нѣтъ. Для этого необходимо, чтобы въ ряду разнообразныхъ фактовъ религіознаго сознанія мы открыли и выдѣлили коренной и всеобщій фактъ, который служитъ первоисточникомъ и внутреннею движущею силою религіозной жизни человѣчества, и на основаніи этого факта объяснили смыслъ, значеніе и причины исторической преемственности частныхъ религіозныхъ вѣрованій. Такимъ кореннымъ, лежащимъ въ основѣ частныхъ религій фактомъ, очевидно служитъ присущая всѣмъ людямъ идея о Богѣ съ другими, состоящими съ нею въ связи, религіозными идеями. Итакъ, для пониманія религіозныхъ вѣрованій и жизни человѣчества, мы должны раскрыть содержаніе этой идеи, показать ея происхожденіе и значеніе. Но надлежащаго понятія объ этой идеѣ не можетъ дать намъ одно фактическое знаніе религіозныхъ вѣрованій, такъ какъ въ нихъ мы находимъ лишь частныя видоизмѣненія этой идеи, подъ вліяніемъ разнообразныхъ временныхъ и мѣстныхъ условій, но не раціональное изслѣдованіе о самомъ существѣ ея. Такимъ образомъ, кромѣ положительнаго и историческаго знакомства съ религіозными вѣрованіями, возможна и необходима наука, которая раскрывала бы намъ коренное

и общее содержаніе этихъ вѣрованій, — понятіе о Богѣ и религіи.

Такая наука необходима и съ другой стороны, — для сравнительной оцѣнки содержанія столь разнообразныхъ религіозныхъ вѣрованій. Это разнообразіе, доходящее до противорѣчій, невольно вызываетъ вопросъ: какое же изъ существующихъ религіозныхъ ученій есть истинное и гдѣ найти критерій для опредѣленія этой истинности? Такого критерія не даютъ намъ сами религіи; каждая изъ нихъ предлагаетъ извѣстное положительное содержаніе съ требованіемъ вѣры въ его несомнѣнную истину. Итакъ, въ области богопознанія естественнаго этого критерія мы должны искать внѣ самихъ религій, — въ разъясненіи тѣхъ основныхъ понятій, которыя служатъ общимъ предположеніемъ всѣхъ религій; это — понятія о Богѣ и его отношеніи къ міру и человѣку. Степенью соотвѣтствія съ этими понятіями будетъ для насъ опредѣляться и степень достоинства тѣхъ или другихъ религіозныхъ вѣрованій.

Такимъ образомъ и въ виду крайняго разнообразія религіозныхъ ученій, и въ виду того, что ни одно изъ нихъ раціонально не разъясняетъ и не доказываетъ истины своихъ основныхъ понятій, оказывается необходимымъ отдѣльное отъ нихъ самостоятельное ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ человѣку *).

---

*) Называя это ученіе ученіемъ о Богѣ, мы понимаемъ здѣсь это выраженіе въ самомъ общемъ и широкомъ значеніи слова, какъ понятіе о первомъ и высочайшемъ началѣ всѣхъ вещей. Какъ извѣстно, то высочайшее начало бытія, которое въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народовъ носитъ названіе Божества, въ самыхъ этихъ вѣрованіяхъ понимается очень различно. То же самое различіе понятій о немъ мы встрѣчаемъ и въ независимыхъ отъ религіи философскихъ ученіяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ послѣднихъ, въ силу ихъ большей отчетливости пониманія, и самые термины, обозначающіе понятія о первой причинѣ бытія, оказываются различными, такъ какъ въ нихъ мыслители старались точнѣе выразить смыслъ своихъ понятій о первопричинѣ бытія. Такъ называемыя начала (ἀρχαί) до-сократовскихъ философовъ, идея блага Платона, первый двигатель Аристотеля, субстанція Спинозы, абсолютное *я* Фихте, абсолютная идея

2. Второй главный предметъ нашего познанія составляетъ видимый нами окружающій насъ міръ. Такъ какъ ближайшее познаніе объ этомъ мірѣ мы получаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ и основаннаго на показаніяхъ ихъ опыта и наблюденія, то можетъ на первый взглядъ показаться, что этихъ способовъ познанія вполнѣ достаточно для полнаго и всесторонняго пониманія внѣшняго міра. Это дѣйствительно часто и утверждаетъ современное естествознаніе, отрицая возможность и законность всякаго другаго способа познанія природы, кромѣ эмпирическаго.

Такое отрицаніе имѣло бы полное для себя основаніе, если бы естествознаніе дѣйствительно рѣшало и могло рѣшить *всѣ* вопросы, касающіеся природы. Но можетъ ли похвалиться этимъ естествознаніе? Не смотря на многочисленный составъ эмпирическихъ наукъ, изучающихъ природу, нѣтъ ли въ ней какихъ либо сторонъ, на которыя оно не обращаетъ вниманія, нѣтъ ли вопросовъ, на которые оно или вовсе не даетъ отвѣта или даетъ отвѣты неудовлетворительные?

Прежде всего оказывается, что естествознаніе хотя изслѣдуетъ предметы и явленія природы, описываетъ ихъ, приводитъ въ систему, старается изучить законы ихъ бытія и происхожденія, но оставляетъ въ сторонѣ, предполагая, какъ нѣчто само собою понятное и извѣстное, самыя всеобщія и основныя условія бытія природы: *пространство* и *время* и самое основное условіе познанія природы: увѣренность въ реальномъ существованіи внѣшняго міра и въ достовѣрности показаній о немъ нашихъ чувствъ.

Точно также естествознаніе принимаетъ понятіе *матеріи*, какъ фактъ; оно изслѣдуетъ составъ, законы сочетанія и образованія данныхъ матеріальныхъ вещей; но что такое матерія

---

Гегеля, безсознательное Гартмана и пр., въ сущности имѣютъ въ виду выразить то же понятіе, которое въ религіозномъ сознаніи носитъ названіе Божества. Поэтому и ту науку, необходимость которой на ряду съ религіознымъ ученіемъ о Богѣ мы сейчасъ признали, теперь точнѣе, и въ различіе отъ религіознаго ученія, можемъ назвать ученіемъ о первой причинѣ бытія.

сама по себѣ, — этотъ вопросъ оно составляетъ нерѣшеннымъ. Самый атомизмъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ естествознательное ученіе о матеріи, съ одной стороны, въ существѣ своемъ есть не эмпирическая, а философская теорія, такъ какъ атомы не составляютъ предметъ эмпирическаго наблюденія; съ другой, естествознаніе доводитъ только до предположенія качественно различныхъ элементовъ или простыхъ тѣлъ (слѣд. собственно — до различныхъ *матерій*), но отъ чего происходитъ это различіе и что такое матерія первоначальная, оно не говоритъ.

Далѣе, для объясненія явленій природы естествознаніе предполагаетъ понятіе *силы*, которую отличаетъ отъ матеріи. Но что такое сила природы? Какое отношеніе ея къ матеріи? Отъ чего происходитъ разнобразіе силъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы эмпирическаго знанія, такъ какъ опытъ показываетъ намъ только обнаруженіе той или другой силы въ явленіяхъ природы, но не даетъ понятія о силѣ, какъ таковой.

Каждая сила природы дѣйствуетъ по опредѣленному *закону*. Ближайшее, эмпирическое разъясненіе законовъ природы составляетъ задачу, успѣшно разрѣшаемую естествознаніемъ. Но что такое самый законъ природы? Могутъ ли законы природы быть выведены изъ понятій матеріи и силы, или предполагаютъ высшую причину, установившую извѣстный способъ дѣйствія силъ въ матеріи? Отвѣта на эти вопросы не можетъ дать эмпирическое знаніе спеціальныхъ законовъ природы.

Изученіемъ даннаго и настоящаго состоянія природы не ограничивается задача естествознанія. Природа представляетъ намъ процессъ законосообразнаго развитія, начало и конецъ котораго скрываются въ недоступномъ для эмпирическаго познанія прошедшемъ и будущемъ. Отсюда для нашего ума естественно возникаютъ вопросы о происхожденіи и концѣ (цѣли) существованія предметовъ и явленій природы. Естествознаніе намъ говоритъ, конечно, о происхожденіи тѣхъ или иныхъ

существъ и предметовъ природы; оно позволяетъ себѣ говорить иногда и о цѣли ихъ существованія. Но его указанія имѣютъ полное значеніе только при объясненіи сравнительно ближайшихъ причинъ и слѣдствій явленій природы; чѣмъ далѣе цѣпь этихъ причинъ и слѣдствій удаляется въ недоступное опыту прошедшее и будущее, тѣмъ болѣе становятся недостаточными эмпирическія данныя для изъясненія начала и конца вещей, тѣмъ болѣе и болѣе оно должно прибѣгать къ понятіямъ и предположеніямъ, имѣющимъ свое начало не въ опытѣ, а въ умозрѣніи; таковъ, напр., вопросъ о происхожденіи органической жизни на землѣ. Еще болѣе оказывается недостаточнымъ естествознаніе, когда отъ объясненія происхожденія частныхъ предметовъ и явленій природы переходитъ къ вопросу о происхожденіи всего міра и цѣли его существованія. Притомъ, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ гипотезахъ, часто только называемыхъ естествознательными, а въ сущности умозрительныхъ, оно пытается только рѣшить вопросъ: какъ образовался міръ при предположеніи существованія *данныхъ* условій его бытія, напр. пространства, времени, матеріи и нынѣ дѣйствующихъ силъ и законовъ природы. Но откуда первоначально произошли самыя эти условія? Почему отъ сочетанія ихъ произошелъ такой, а не другой порядокъ вещей? Какой внутренній законъ и цѣль этого порядка? На эти вопросы опытъ не можетъ дать отвѣта,—уже потому одному, что самыя эти условія и предположенія, какъ мы видѣли, выходятъ изъ предѣловъ опыта.

Но количество касающихся міра вопросовъ, не рѣшаемыхъ естествознаніемъ, возрастаетъ, какъ скоро мы начнемъ разсматривать природу не только саму по себѣ, но и въ отношеніи ея къ человѣку и къ опредѣляющимъ его умственную и нравственную жизнь идеямъ: истины, добра, изящества. Повидимому, природа не имѣетъ ничего общаго съ этими, чисто раціональными и имѣющими приложеніе только къ духовной сторонѣ бытія, идеями. Но не такъ на самомъ дѣлѣ; уже общее и непосредственное сознаніе человѣчества никогда

не могло обойтись безъ того, чтобы не только о явленіяхъ умственнаго и нравственнаго міра, но и о природѣ и ея феноменахъ не судить съ высшихъ идеальныхъ точекъ зрѣнія. Человѣкъ никогда не ограничивался эмпирическимъ познаніемъ предметовъ природы, но, переходя отъ частныхъ явленій ко всей совокупности ихъ, къ цѣлому міру, старался понять вселенную не какъ простой аггрегатъ предметовъ и явленій, но какъ благоустроенное цѣлое (κόσμος), какъ осуществленіе высшихъ идей высочайшаго разума. Далѣе, хотя понятія добра и зла, повидимому, имѣютъ существенное значеніе только въ области духовно-свободнаго бытія, но по тѣсной связи человѣка съ природою, какъ существо не только духовное, но и органическое, человѣкъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не разсматривать и природу съ точки зрѣнія этихъ понятій. Какъ оптимизмъ, такъ и пессимизмъ для своего оправданія искали доказательствъ не только въ мірѣ человѣческомъ, но и въ природѣ, въ свойствѣ ея предметовъ и явленій. Наконецъ, не только разумъ и нравственное сознаніе человѣка принимали участіе въ оцѣнкѣ предметовъ и явленій природы, но и его чувства; одни предметы онъ называлъ прекрасными, другіе—безобразными; онъ оцѣнивалъ и изучалъ природу не только съ эмпирической, но и съ эстетической точки зрѣнія.

Что указанные нами вопросы не рѣшаются ни одною изъ спеціальныхъ естественныхъ наукъ, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ, какъ каждая изъ этихъ наукъ имѣетъ ограниченный кругъ предметовъ и явленій, а эти вопросы касаются всей природы вообще. Но если въ то же время, какъ показываетъ исторія мышленія, рѣшеніе этихъ вопросовъ всегда составляло существенную потребность человѣческаго ума, то, очевидно, должна имѣть право на существованіе и наука о природѣ, занимающаяся ихъ рѣшеніемъ, и притомъ наука не эмпирическая, такъ какъ опытъ не рѣшаетъ и не въ силахъ ихъ рѣшить; эта наука—философія.

3. Кромѣ ученія о Богѣ и мірѣ, третій главный предметъ человѣческаго познанія составляетъ самъ человѣкъ. Физиче-

скую сторону человѣка изучаютъ науки естественныя: анатомія, физіологія и др. Разнообразныя обнаруженія сознательно-разумной жизни человѣка даютъ содержаніе цѣлому ряду наукъ историческихъ и положительныхъ; таковы, напр., исторія, этнографія, филологія, ученіе о законодательствѣ и др. Но, несмотря на обиліе положительныхъ наукъ, изучающихъ человѣка въ томъ или другомъ отношеніи, ими далеко не исчерпываются всѣ и притомъ важнѣйшіе вопросы, касающіеся человѣка.

Прежде всего, всѣ эти науки, говоря о различныхъ обнаруженіяхъ человѣческой природы, стараясь путемъ эмпирическаго изслѣдованія фактовъ установить ихъ законы, оставляютъ нерѣшеннымъ основной вопросъ о сущности самаго объекта, которымъ онѣ занимаются. Само собою понятно, что такою сущностью не можетъ быть одинъ организмъ человѣка съ его физическими свойствами, изученіемъ котораго занимаются, напр., анатомія и физіологія. Сущностью его можетъ быть только то внутреннее, недоступное внѣшнему наблюденію начало, которое, оживляя его организмъ, въ то же время служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ многоразличныхъ проявленій, которыя отличаютъ человѣка и возвышаютъ его надъ всѣми живыми существами. Эту сущность мы обыкновенно называемъ душою. Итакъ, независимо отъ положительныхъ наукъ, должна быть наука, которая изслѣдовала бы самый объектъ этихъ наукъ, независимо отъ его частныхъ обнаруженій,—должна быть философская наука о душѣ.

Не рѣшая вопроса о духовномъ началѣ человѣческой природы, положительныя и историческія науки точно также не могутъ рѣшить и важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся существенныхъ проявленій этого начала, выражающихся въ знаніи, дѣятельности и чувствѣ.

Что касается до познанія, то, обозрѣвая всѣ существующія науки, замѣчаемъ, что каждая изъ нихъ, говоря объ извѣстномъ кругѣ познаваемыхъ ею предметовъ, ничего не говоритъ однако-же о самомъ познаніи и объ условіяхъ его правиль-

ности. Каждая наука исходитъ изъ несомнѣннаго для нея предположенія, что мы можемъ знать истину и что тѣ пріемы мышленія, которыми она пользуется, вполнѣ благонадежны для достиженія истины. Но если знаніе научное въ точномъ значеніи этого слова должно основываться не на простомъ предположеніи или увѣренности, но на убѣжденіи, научно раскрытомъ и обоснованномъ, то очевидно должна существовать наука, которая предметомъ своего изслѣдованія должна имѣть то самое предположеніе, которое хотя лежитъ въ основѣ всѣхъ наукъ, но не разъясняется спеціально ни одною изъ нихъ. Это—наука о познаніи вообще, его законахъ, условіяхъ, достовѣрности.

Такая наука о познаніи, указывающая правила научнаго мышленія для наукъ положительныхъ, сама не можетъ быть наукою эмпирическою потому уже, что самое понятіе объ истинѣ принадлежитъ не вещамъ, внѣ насъ находящимся, а нашему духу. О вещахъ и фактахъ съ эмпирической точки зрѣнія можно сказать только, что они существуютъ такъ или иначе. Истинными или ложными могутъ быть только наши понятія или познанія о нихъ. Мышленіе, какъ и вообще познаніе, есть фактъ психическій, а не физическій. Поэтому и понятія о законахъ и правилахъ мышленія мы не можемъ получить путемъ эмпирическимъ. Эти законы носятъ на себѣ характеръ необходимости, всеобщности и потому общеобязательности. Но могли ли бы они имѣть эти качества, если бы образовались мало-по-малу путемъ продолжительныхъ опытовъ и наблюденій надъ пригодностію тѣхъ или другихъ пріемовъ въ дѣлѣ познанія? Логика естественная задолго предшествовала всякой теоріи познанія; для того, чтобы отличить истину отъ лжи, человѣку не было нужды въ многовѣковомъ пути опыта. Уму человѣка всегда присуща идея истины. Анализируя эту идею и раскрывая ее въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ знанія, нашъ разумъ приходитъ къ установленію научныхъ правилъ познанія, создаетъ его теорію.

Библиотека Социалистической Академии

Выраженіемъ практической дѣятельности человѣка служатъ разнообразнѣйшія проявленія ея въ жизни нравственной и общественной. Изображеніе этой жизни служитъ предметомъ исторіи въ ея различныхъ отрасляхъ. Но нашъ умъ не удовлетворяется самымъ обширнымъ положительнымъ знакомствомъ съ дѣятельностію человѣка, какое можетъ дать ему, какъ исторія, такъ и положительное описаніе жизни, нравовъ, обычаевъ, какъ народовъ (этнографія), такъ и отдѣльныхъ лицъ (біографіи, художественныя произведенія).

Прежде всего, что касается до нравственной стороны человѣка, то въ виду чрезвычайной важности, какъ лично для насъ, такъ и для общества, нашей практической дѣятельности, существенный интересъ для насъ составляетъ не эмпирическое только знаніе того, какъ жили и какъ живутъ люди, но какъ *должно* намъ жить, чтобы вполнѣ выполнить свое назначеніе? При крайнемъ разнообразіи побужденій, служащихъ источникомъ людской дѣятельности, при противорѣчіи нравственныхъ началъ, которыми они руководятся, при различіи цѣлей, къ которымъ стремятся, эмпирическое познаніе нравственной стороны человѣка на выставленный нами вопросъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Получить такой отвѣтъ мы можемъ не иначе, какъ при помощи раціональнаго разъясненія присущей всѣмъ людямъ идеи нравственности. Путемъ анализа этой идеи и примѣненія къ частнымъ случаямъ нравственной жизни мы можемъ создать научную теорію нравственности точно такъ же, какъ, исходя изъ идеи истины, создаемъ теорію познанія.

Та же нравственная идея, которая составляетъ глубочайшее основаніе практической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, въ сущности лежитъ въ основѣ такого же рода дѣятельности цѣлыхъ обществъ и народовъ, гдѣ она принимаетъ характеръ идеи юридической и соціальной. Но какъ въ области чисто нравственной, такъ и здѣсь, нашъ разумъ не удовлетворяется фактическимъ знаніемъ существующихъ и существовавшихъ законодательствъ, государственныхъ и общественныхъ учре-

жденій. Онъ ищетъ общаго начала, на которомъ зиждется весь строй юридическихъ и соціальныхъ отношеній между людьми, чтобы отсюда съ одной стороны объяснить всеобщую обязательность этихъ отношеній, съ другой—открыть правильную норму, какъ для оцѣнки существующихъ соціальныхъ фактовъ, такъ и для возможнаго усовершенія общественной жизни. Но достигнуть этой цѣли путемъ эмпирическимъ невозможно; безъ руководительнаго начала мы затерялись бы въ массѣ самыхъ разнообразныхъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, фактовъ. Такое начало можетъ дать намъ только заключающаяся въ нашемъ разумѣ и не выводимая изъ опыта идея абсолютной правды и раскрытіе этой идеи путемъ философскаго ея анализа.

Кромѣ теоретической и практической, мы укажемъ еще на третью сторону обнаруженія разумной человѣческой природы—эстетическую. Научное познаніе о ней сообщаетъ намъ теорія и исторія искусствъ и литературы. Но какъ въ другихъ областяхъ знанія, такъ и здѣсь, положительныя изслѣдованія не могутъ окончательно рѣшить вопроса о самомъ главномъ понятіи, лежащемъ въ ихъ основѣ,—понятіи объ изящномъ. На опытѣ мы видимъ, что произведенія, которыя въ различные вѣка, у различныхъ народовъ, лицъ, удовлетворяли ихъ эстетической потребности, чрезвычайно разнообразны, даже противоположны. То, что̀ одному народу одно время казалось прекраснымъ, другому представлялось не только лишеннымъ всякаго эстетическаго значенія, но даже безобразнымъ. Стоя на почвѣ однихъ только фактовъ, какое бы мы имѣли основаніе произносить свое сужденіе объ этихъ разнообразныхъ произведеніяхъ творческой фантазіи человѣка, называть одни изъ нихъ прекрасными, другія—безобразными? Эмпирически, всѣ они равноправны, какъ скоро удовлетворили нашему эстетическому вкусу, вызвали въ насъ извѣстнаго рода пріятное ощущеніе. Какъ объ истинѣ выражались софисты: «подлинной истины нѣтъ; истинно то, что̀ каждому кажется истиннымъ»,—такъ и объ изящномъ мы должны будемъ сказать: прекрасно то, что каждому кажется прекрас-

нымъ, что́ кому нравится. Если-же подобное воззрѣніе разрушило бы все значеніе наукъ, разсуждающихъ объ изящныхъ произведеніяхъ, то очевидно, какъ при оцѣнкѣ ихъ, такъ и при начертаніи научныхъ законовъ искусства, мы должны руководствоваться не измѣнчивыми фактами, а принадлежащею нашему разуму идеею изящнаго. Такая идея и дѣйствительно предносится уму каждаго изслѣдователя въ области искусства, точно такъ же какъ и уму каждаго истиннаго художника или поэта, но предносится безотчетно, какъ его личный вкусъ и тактъ, какъ его личное мнѣніе. Сужденія, основанныя на этой идеѣ, конечно могутъ быть правильными; но чтобы они были не личными мнѣніями или мнѣніями современнаго большинства, но сужденіями истинно научными, необходимо, чтобы эта идея, независимо отъ эмпирическихъ ея обнаруженій, была изслѣдована въ ея существѣ и въ связи съ другими основными идеями нашего ума; а это необходимо требуетъ раціональнаго, философскаго ученія объ изящномъ.

Такимъ образомъ общій очеркъ содержанія положительныхъ наукъ показываетъ намъ, что въ нихъ рѣшаются далеко не всѣ и притомъ важнѣйшіе вопросы человѣческаго знанія, и что поэтому необходима особая наука, которая изслѣдовала бы тѣ лежащія въ основѣ спеціальныхъ наукъ понятія, которыя принимаются ими, какъ истинныя, только безотчетно и по предположенію.

Если обратимъ вниманіе на характеристическія черты этихъ понятій, въ отличіи ихъ отъ содержанія частныхъ наукъ, то легко замѣтимъ, что ими выражается *существенное*, *основное*, и вмѣстѣ составляющее послѣднюю *цѣль* научныхъ изслѣдованій въ различныхъ областяхъ познанія.

Такъ, понятіе о Богѣ есть общее и основное понятіе для всѣхъ религіозныхъ ученій; различные виды религіозныхъ вѣрованій составляютъ только раскрытіе и видоизмѣненіе этого основнаго понятія. Истинное понятіе о Богѣ, насколько оно доступно нашему уму, составляетъ и высочайшую цѣль религіознаго знанія. Но не только въ области познанія, но и въ

области дѣйствительнаго бытія Богъ есть высочайшее начало, основаніе и, путемъ приближенія къ Нему, послѣдняя цѣль всего существующаго.

Такъ, въ ученіи о мірѣ физическомъ, главные, не рѣшаемые эмпирическими науками вопросы, какъ мы видѣли, касаются его начала, сущности міроваго бытія, его цѣлесообразности и послѣдней цѣли.

Такъ, въ ученіи о человѣкѣ, его разумно свободный духъ есть начало и сущность, лежащая въ основаніи многоразличныхъ проявленій его умственной и нравственной дѣятельности. Изслѣдованіе этого субстанціальнаго начала приводитъ насъ къ рѣшенію вопросовъ о его происхожденіи и послѣдней цѣли его существованія. Точно такъ же мы имѣемъ право назвать существенными и основными понятія, служащія предположеніями различныхъ частныхъ наукъ, имѣющихъ въ виду познавательную, практическую и эстетическую дѣятельность человѣка. Таковы понятія объ истинѣ и условіяхъ истиннаго познанія, о нравственности и правѣ, объ изящномъ. Не трудно видѣть также, что истина, добро, изящное, будучи исходнымъ началомъ разумной дѣятельности человѣка, служатъ въ то же время и послѣднею цѣлью его стремленій.

Итакъ, философія, по своему общему содержанію, можетъ быть опредѣлена какъ наука о сущности, послѣднемъ основаніи и цѣли существующаго.

---

## II.

## Методъ и научная форма философіи.

Узнавъ содержаніе философіи, мы должны теперь разъяснить: 1) какимъ наилучшимъ и болѣе надежнымъ способомъ мы можемъ достигнуть разрѣшенія ея задачъ, и 2) въ какой, наиболѣе соотвѣтствующей этому содержанію, научной формѣ изложить его?

**1. Методъ философіи. Невозможность рѣшенія философскихъ вопросовъ при помощи одного аналитическаго метода.** Логика указываетъ два основныхъ метода научнаго познанія: *аналитическій* и *синтетическій*. Въ первомъ нашъ разсудокъ въ дѣлѣ познанія начинаетъ съ единичнаго, съ фактовъ опыта и отъ нихъ постепенно, безъ перерыва и опущенія посредствующихъ членовъ, восходитъ къ общему. Слѣдуя этому методу, мы идемъ отъ частнаго и условнаго назадъ, къ условливающему ихъ первому основанію, отъ явленій къ причинамъ; поэтому онъ называется методомъ нисходящимъ, *регрессивнымъ* *). Ощущенія и представленія въ немъ составляютъ первое; общія понятія и сужденія—послѣднее; по научнымъ пріемамъ онъ изучаетъ единичное, прибѣгаетъ для этой цѣли къ наблюденію и опыту для познанія въ фактахъ существеннаго и согласнаго, точно такъ же, какъ несущественнаго и различнаго, и приводитъ или *наводитъ* такимъ путемъ нашу мысль на познаніе причинъ и всеобщихъ законовъ явленій; поэтому онъ называется *индуктивнымъ*. Такъ какъ факты, изъ которыхъ исходитъ аналитическій методъ, даны въ опытѣ, и такъ какъ общіе законы явленій выводятся на основаніи анализа этихъ фактовъ, то этотъ методъ называется также *эмпирическимъ* методомъ.—Методъ синтетическій, наоборотъ, начинаетъ съ общаго и отъ него нисходитъ къ частнымъ фактамъ; отъ первоначальныхъ условій и перваго основанія онъ идетъ къ слѣдующему за нимъ условному и къ послѣднимъ слѣдствіямъ. Изъ началъ и изъ очевидныхъ самихъ по себѣ положеній (аксіомъ) онъ выводитъ путемъ умозаключеній прочія положенія науки; поэтому онъ называется *прогрессивнымъ* **), *дедуктивнымъ*. Такъ какъ тѣ начала, изъ коихъ нисходитъ синтетическій методъ—общія понятія и первыя основоположенія знанія, даны не въ опытѣ, а въ разсудкѣ, такъ какъ въ немъ мы исходимъ не

*) Methodus regrediens a principiatis ad principia.

**) Methodus progrediens a principiis ad principiata.

изъ фактовъ, а изъ раціональныхъ понятій, то этотъ методъ, въ противоположность эмпирическому, можетъ быть также названъ *раціональнымъ*, умозрительнымъ.

Какимъ же изъ этихъ двухъ методовъ должна руководствоваться философія для достиженія своей цѣли?

Доказательствомъ недостаточности эмпирическаго метода въ дѣлѣ философскаго познанія служитъ уже то, что, какъ мы видѣли, пользующіяся преимущественно этимъ методомъ положительныя науки не даютъ окончательнаго и вѣрнаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые мы назвали философскими. Причина этого заключается въ томъ, что въ области философіи мы имѣемъ дѣло не съ эмпирическими фактами, а съ предметами, недоступными внѣшнему наблюденію и опыту; опытъ же даетъ намъ только явленія, а не указываетъ непосредственно на то, что́ лежитъ за явленіями и составляетъ дѣйствительный предметъ философскаго вѣдѣнія. Конечно, сводя частные факты и явленія въ извѣстныя однородныя группы по ихъ сходству, современности и послѣдовательности, мы можемъ болѣе и болѣе обобщать ихъ и путемъ умозаключеній приходить отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ причинамъ, къ нѣкоторымъ общимъ понятіямъ и выводамъ. Но эти обобщенія и выводы не простираются далѣе опредѣленія и установленія ближайшихъ причинъ и законовъ видимаго міра. Что же касается до послѣднихъ и основныхъ началъ знанія и бытія, то первоначальнаго понятія о нихъ не могутъ дать намъ ни непосредственныя наблюденія надъ чувственнымъ и частнымъ, ни обобщенія и выводы изъ этихъ наблюденій. Какимъ образомъ, напримѣръ, видя постоянную смѣну предметовъ и явленій въ мірѣ, изъ которыхъ каждое имѣетъ опредѣленное начало и конецъ своего бытія, мы могли бы прійти къ мысли о первомъ, абсолютномъ и неизмѣнномъ началѣ ихъ бытія? Какимъ образомъ, видя въ окружающемъ насъ мірѣ одни частные, постоянно измѣняющіеся, чувственные предметы и явленія, мы могли бы на основаніи одного внѣшняго наблюденія предположить, что въ основѣ

ихъ лежитъ нѣчто постоянное, что̀ составляетъ сущность міра, и что весь міръ въ совокупности своихъ явленій составляетъ стройное и единое цѣлое? Какимъ образомъ, наконецъ, мы могли бы стремиться къ самому познанію истины, различать истину и ложь, достовѣрность и сомнительность различныхъ мнѣній, если бы въ насъ самихъ не было высшаго, независимаго отъ внѣшняго опыта, хотя первоначально и неяснаго, понятія объ истинѣ? Итакъ, первоначальнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ основныхъ понятій, изслѣдованіемъ которыхъ занимается философія, служитъ не внѣшній опытъ, а собственный нашъ разумъ и его природныя, предшествующія опыту (апріорныя) идеи и понятія.

**Необходимость для философіи синтетическаго метода.** Если же при помощи эмпирическаго, индуктивнаго метода мы не можемъ достигнуть до высшихъ и основныхъ понятій, то, очевидно, и въ дальнѣйшемъ раскрытіи этихъ понятій и примѣненіи ихъ къ разрѣшенію частныхъ философскихъ вопросовъ мы должны идти не путемъ индуктивнаго восхожденія отъ частнаго къ общему, но обратнымъ путемъ—нисхожденія отъ общаго къ частному, методомъ дедуктивнымъ, синтетическимъ.

Что философія должна быть по преимуществу наукою дедуктивною, объ этомъ согласно свидѣтельствуетъ и общее мнѣніе о философіи, и ея исторія, и ея существенная задача.

Философія всегда считалась наукою далекою отъ опыта, извлекающею свои положенія и ихъ доказательства не изъ наблюденій надъ эмпирическою дѣйствительностію, но изъ разума,—наукою умозрительною. Это убѣжденіе было общимъ, какъ у защитниковъ, такъ и у враговъ философіи, потому что и у послѣднихъ главною причиною недовѣрія и вражды противъ нея было то, что она въ ходѣ своихъ изслѣдованій будто бы чуждается дѣйствительности и старается рѣшать свои вопросы путемъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ.

Исторія философіи съ своей стороны оправдывала такое мнѣніе о ней. Въ большей части своихъ системъ она шла отъ общаго къ частному, старалась рѣшать свои задачи путемъ, независимыхъ отъ опыта. Правда, въ исторіи философіи мы встрѣчаемъ и исключенія изъ этого правила; въ числѣ философскихъ направленій мы встрѣчаемъ сенсуализмъ, матеріализмъ, позитивизмъ—системы, которыя основнымъ началомъ познанія выставляли опытъ, а методомъ—анализъ фактовъ опыта. Не говоря о томъ, что эти системы представляютъ лишь частныя направленія философской мысли и что всѣ выдающіяся по своему историческому значенію философскія системы не принадлежатъ къ числу эмпирическихъ, самая неудовлетворительность рѣшенія философскихъ вопросовъ въ системахъ эмпирическихъ уже говоритъ о недостаточности метода, избраннаго для ихъ рѣшенія. Притомъ же, ближайшій анализъ содержанія системъ, именующихъ себя эмпирическими, показываетъ, что онѣ не выдерживаютъ строго своего метода, что тѣ элементы, которые сообщаютъ имъ философскій характеръ, не происходятъ изъ опыта и достигаются не путемъ индукціи. Такъ напр. въ матеріализмѣ, который хвалится наибольшею близостью къ опыту, основныя его понятія: матеріи, атомовъ, силы и др., какъ ясно доказалъ Кантъ, суть вовсе не эмпирическія, составленныя путемъ отвлеченія отъ данныхъ опыта, но раціональныя, a priori привносимыя для объясненія фактовъ опыта. Вообще все то, что̀ дѣлаетъ матеріализмъ философіею, хотя и односторонней, и даетъ ему мѣсто въ исторіи этой науки, есть, хотя и безотчетно для него, плодъ не опыта, а умозрѣнія.

Преобладающее значеніе въ философіи дедуктивнаго метода оправдывается и высшею цѣлью этой науки. Въ противоположность эмпирическимъ наукамъ, она занимается изслѣдованіемъ не спеціальныхъ предметовъ, а общаго строя бытія, имѣетъ цѣлью представить намъ полное и законченное міросозерцаніе, а не дать частныя только свѣдѣнія объ извѣстныхъ предметахъ, или группахъ предметовъ. Но для дости-

женія этой цѣли наша мысль, очевидно, должна идти отъ общаго къ частному, отъ высочайшаго начала знанія и бытія къ частнымъ истинамъ и явленіямъ, отъ первой причины къ ея произведеніямъ. Цѣльность и полнота философскаго міросозерцанія возможны только тогда, когда мы будемъ обозрѣвать все существующее, исходя изъ одного высшаго начала, изъ идеи истинно сущаго и первоначальнаго. Только съ возвышенности мы можемъ видѣть общій характеръ мѣстности, ясно представить отдѣльныя части и предметы въ ихъ взаимномъ отношеніи и составить такимъ образомъ цѣльное представленіе о ней. Такого представленія не можетъ дать намъ самое внимательное обозрѣніе каждаго отдѣльнаго предмета; оно дастъ намъ только представленіе объ отдѣльныхъ предметахъ, но не понятіе о цѣломъ; за деревьями мы не увидимъ лѣса. Такимъ образомъ синтетическій методъ составляетъ естественную особенность философскаго познанія.

**Необходимость въ философіи дополненія синтеза анализомъ и взаимное ихъ отношеніе.** Но признавая и на основаніи исторіи философіи, и на основаніи самой задачи этой науки, существенное значеніе для нея синтетическаго метода, мы однако же ошиблись бы, если бы стали считать этотъ методъ *единственнымъ* и вполнѣ достаточнымъ въ дѣлѣ философскаго понятія. Имѣя въ виду, что философіи особенно свойственъ дедуктивный методъ, нельзя представлять себѣ процессъ философскаго познанія такимъ образомъ, будто философія, взявъ какое либо самое общее и отвлеченное начало или понятіе, однимъ чисто логическимъ разрѣшеніемъ его на подчиненныя понятія и дальнѣйшею комбинаціею этихъ понятій, можетъ развить полную систему своей науки, независимо отъ дѣйствительности и не справляясь съ нею. Смѣлая мысль — построить стройную систему философіи совершенно a priori, силою одной творческой дѣятельносли мышленія и не выходя никуда за его предѣлы, прельщала многихъ философовъ, но въ приложеніи она всегда оказывалась и неудачною и не-

удобоисполнимою. Исторія идеалистическихъ системъ, созданныхъ даже первостепенными мыслителями, показываетъ, что при всей ихъ логической стройности, при всемъ блескѣ глубокомысленныхъ построеній и выводовъ, онѣ оказывались несостоятельными, потому что представляли опыты міросозерцанія, не выдерживавшіе повѣрки дѣйствительностію. Скоро замѣчали, что въ подобныхъ блестящихъ системахъ много искусственной стройности, но нѣтъ духа жизни; что въ нихъ дѣйствительность, какъ скоро не подходила подъ отвлеченныя, a priori выведенныя, формулы, или искажалась, или даже совершенно отрицалась какъ нѣчто призрачное, не истинное, не существующее. Далѣе, какъ мы сказали, чисто апріорное построеніе системы оказывалось неудобоисполнимымъ. Какъ ни рѣшался философъ быть вѣрнымъ своему методу, не заглядывать никуда за предѣлы своего разума, на самомъ дѣлѣ въ его системѣ, какъ показала безпристрастная критика, скоро оказывались понятія, вторгшіяся отъинуды, какъ результатъ наблюденій и опытовъ и только искусственно поставленныя въ общую связь его мнимо апріорныхъ построеній.

Отсюда видно, что, не смотря на важное и преобладающее въ философіи значеніе синтетическаго метода, философія, чтобы не быть односторонне идеалистическою, должна дать законное мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ методу аналитическому. Необходимость такого дополненія синтеза анализомъ подтверждается, какъ самымъ свойствомъ дедуктивнаго метода, такъ и наблюденіемъ надъ дѣйствительнымъ ходомъ нашего познанія и исторіею самой философіи.

Прежде всего, съ понятіемъ дедукціи мы соединяемъ мысль объ одномъ или нѣсколькихъ началахъ, или высшихъ понятіяхъ, которыя логически мы должны разрѣшать на понятія низшія, чтобы затѣмъ путемъ комбинаціи ихъ достигать рѣшенія философскихъ вопросовъ. Но, спрашивается: откуда философія должна взять эти понятія, эти начала и основоположенія науки? Заимствовать ихъ откуда нибудь извнѣ философіи, принявъ ихъ на вѣру, какъ непосредственно извѣстныя

и достовѣрныя положенія, значило бы противорѣчить идеѣ философскаго знанія, какъ знанія, основаннаго не на предположеніяхъ, а на раціонально доказанныхъ началахъ. Предполагать ли вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами (Шеллингомъ и Гегелемъ) въ нашей душѣ какую-то особенную способность «интеллектуальнаго воззрѣнія», для которой вдругъ открывается первое начало знанія и бытія? Но такой актъ познанія не естественъ и психологически не вѣренъ. На самомъ дѣлѣ, какъ каждый мыслитель, такъ и они доходили до общихъ началъ своей системы путемъ предварительнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго размышленія, изслѣдованія. Принципъ философіи, ими избранный, конечно, не явился въ ихъ головѣ вдругъ, какъ счастливая находка или какъ внезапный проблескъ какого-то непосредственнаго озаренія: онъ былъ выработанъ ими послѣ критическаго изслѣдованія различныхъ мнѣній и философскихъ направленій и принятъ какъ *результатъ*, казавшійся имъ единственно вѣрнымъ и твердымъ. Что именно этимъ путемъ предварительнаго размышленія и изслѣдованія упомянутые философы доходили до установленія общихъ началъ своихъ системъ, выдаваемыхъ ими за апріорныя, за продуктъ чистаго мышленія (Гегель) или умственнаго созерцанія (Шеллингъ), доказательствомъ тому служитъ уже одно то, что опредѣленный характеръ ихъ мышленія, окончательная система ихъ философіи образовалась у нихъ не вдругъ во всей цѣлости, но слагалась мало-по-малу, путемъ разъясненія и видоизмѣненія ихъ собственныхъ понятій. Конечно, тотъ предварительный ходъ мышленія, который приводилъ философовъ къ основнымъ началамъ ихъ системъ, не изложенъ ими въ своихъ сочиненіяхъ, да и для нихъ самихъ впослѣдствіи можетъ быть представлялся не совсѣмъ ясно; но что онъ дѣйствительно существовалъ, въ этомъ не станетъ сомнѣваться никто, кому сколько нибудь извѣстенъ психологическій процессъ образованій нашихъ познаній. Думать иначе—было бы чистымъ самообольщеніемъ,

Итакъ, въ области философіи синтетическому построенію ея долженъ предшествовать нѣкоторый процессъ мышленія, результатомъ котораго и должны быть тѣ основныя начала или истины, которыя должны служить надежнымъ фундаментомъ философской системы. Какого же рода этотъ процессъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно обратить вниманіе на обыкновенный ходъ нашей познавательной дѣятельности, посредствомъ котораго мы достигаемъ, путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго обдумыванія, до какого либо, представляющагося намъ окончательнымъ и вѣрнымъ, общаго результата. Сначала нашему уму предносятся разныя частныя мысли и частныя мнѣнія, касающіяся даннаго предмета; мы вникаемъ въ нихъ, сличаемъ, обсуждаемъ, оцѣниваемъ ихъ достоинства и недостатки и, наконецъ, мало по-малу вырабатываемъ собственную мысль о немъ. Очевидно, здѣсь пріемъ мышленія аналитическій: мы отъ частныхъ мыслей и понятій восходимъ къ понятію общему, вырабатываемъ его путемъ своего рода критики и анализа, какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ отдѣльныхъ мнѣній.

Если отъ мышленія обыденнаго мы перейдемъ теперь къ мышленію философскому, то и здѣсь увидимъ въ сущности тотъ же пріемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что такъ какъ познаніе философское есть познаніе научное, то въ дѣлѣ анализа понятій, для вывода при помощи его общихъ началъ, мы не имѣемъ права дѣйствовать на авось, брать во вниманіе случайно возникающія въ нашемъ сознаніи мысли и случайныя мнѣнія другихъ, въ надеждѣ додуматься до какихъ-либо твердыхъ выводовъ, но должны исходить изъ фактовъ, разъясненіе которыхъ имѣло бы дѣйствительное значеніе для философіи. Какого же рода эти факты? Такъ какъ философія имѣетъ дѣло не съ внѣшними и чувственными явленіями (изученіе которыхъ — дѣло наукъ эмпирическихъ), а съ понятіями, первоначальный источникъ которыхъ заключается въ самомъ нашемъ разумѣ, то очевидно предметомъ философскаго анализа должны быть самыя эти понятія или идеи. Дальнѣй-

шее развитіе эти идеи получаютъ въ положеніяхъ общечеловѣческаго смысла (здраваго разума), въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и наконецъ въ философскихъ мнѣніяхъ и системахъ. Внимательное изслѣдованіе этихъ фактовъ философіи, достигаемое путемъ критическаго анализа ихъ, и должно вести насъ къ установленію того философскаго принципа, той точки зрѣнія, съ которой возможно будетъ для насъ образованіе цѣльнаго и вѣрнаго, по нашему мнѣнію, міросозерцанія.

Но такого рода анализъ, предшествующій синтеческому построенію философіи, самъ по себѣ еще недостаточенъ, чтобы сообщить философіи прочную и истинно-научную основу. Анализъ данныхъ понятій о философскихъ предметахъ,— понятій, выражающихся какъ въ общемъ сознаніи человѣчества, такъ и въ мнѣніяхъ философовъ, чтобы быть плодотворнымъ, необходимо предполагаетъ сравнительную ихъ оцѣнку, сужденіе о степени ихъ истины или неистины. Но чѣмъ бы мы стали руководствоваться въ этомъ сужденіи о достоинствѣ не только чужихъ, но и своихъ собственныхъ мыслей и понятій? Нашимъ непосредственнымъ чувствомъ истины, нашимъ личнымъ мнѣніемъ, по которому мы отвергали бы одно, принимали другое потому, что то кажется намъ ложнымъ, другое—истиннымъ? Правда, такое непосредственное обсужденіе можетъ быть вѣрнымъ; но оно будетъ вѣрнымъ случайно и во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть общеобязательнаго, слѣдовательно—научнаго значенія. Другой мыслитель въ дѣлѣ оцѣнки придетъ къ результату противоположному нашему мнѣнію и, ссылаясь на свое непосредственное чувство истины, будетъ имѣть одинаковое съ нами право утверждать его истину.

Отсюда видно, что для того, чтобы выведенное путемъ анализа нашихъ и чужихъ понятій общее міросозерцаніе было не личнымъ убѣжденіемъ, а строго обоснованнымъ философскимъ воззрѣніемъ, мы должны имѣть какой-либо несомнѣнный критерій, *что* мы должны считать истиннымъ и *что* нѣтъ, и на какомъ основаніи. Но какъ и гдѣ мы можемъ найти такой критерій? Такъ какъ истина составляетъ извѣ-

стное качество нашего познанія, то очевидно твердое понятіе объ этой истинѣ мы должны получить не иначе, какъ посредствомъ тщательнаго изученія нашего познанія и той способности, которая служитъ источникомъ и органомъ его,— мышленія. Мы должны обратить вниманіе на мышленіе, какъ на данный во внутреннемъ опытѣ фактъ, и путемъ анализа отдѣлить въ немъ то, что̀ составляетъ матеріалъ познанія, полученный изъ впечатлѣній опыта, и то, что̀ составляетъ самую природу разума,—его апріорные и независимые отъ опыта законы и формы его дѣятельности, и посредствомъ изученія ихъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мы имѣемъ возможность и право посредствомъ приложенія ихъ къ фактамъ внѣшняго и внутренняго опыта познавать не только эмпирическую дѣятельность, но и восходить за предѣлы ея, къ бытію идеальному и познаваемому разумомъ. Вообще, положительному, синтетическому построенію философской системы должна предшествовать философская теорія познанія, основанная на аналитическомъ изслѣдованіи самаго органа познанія—разума.

Признаніе необходимости такого изслѣдованія есть характеристическая черта и вмѣстѣ преимущество, выгодно отличающее новую философію отъ древней и средневѣковой. Родоначальникъ новой философіи—Декартъ обратилъ вниманіе на первую указанную нами форму этого анализа,—на предварительное, критическое изслѣдованіе, какъ общепринятыхъ, такъ и философскихъ мнѣній объ основныхъ истинахъ знанія. Необходимость второй представленной нами формы философскаго анализа указана отчасти Локкомъ и Юмомъ, но съ особенною ясностію выражена Кантомъ. Его знаменитая «Критика чистаго разума» представляетъ намъ опытъ аналитическаго изслѣдованія познавательной способности, какъ необходимое условіе для положительнаго рѣшенія философскихъ вопросовъ. Потребность такого изслѣдованія вытекаетъ изъ самаго характера философіи, какъ науки, которая должна быть основана на самостоятельныхъ, не заимствованныхъ отъ-

инуды и не *предполагаемыхъ* только несомнѣнными, какъ въ другихъ наукахъ, но провѣренныхъ и доказанныхъ въ ихъ несомнѣнности, началахъ. Но начала философіи заключаются не гдѣ-нибудь внѣ ея, а въ той самой способности, которая служитъ ея источникомъ,—въ разумѣ. Итакъ, изслѣдованіе самаго разума есть первое и существенное ея дѣло. Отъ точнаго изслѣдованія этой способности зависитъ всецѣло не только характеръ дальнѣйшаго положительнаго направленія философіи, но и самая судьба ея; потому что только критическій анализъ нашего познанія можетъ сказать намъ о возможности и степени достовѣрности рѣшенія задачъ философіи. Мы должны прежде изучить нашъ разсудокъ, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его продуктахъ,—философскихъ теоріяхъ, чтобы видѣть, *можетъ ли* и *что* можетъ онъ знать, чтобы потомъ не трудиться, можетъ быть, напрасно, надъ рѣшеніемъ вопросовъ, недоступныхъ нашей познавательной силѣ.

Изъ сказаннаго нами видно, что въ философіи, какъ анализъ, такъ и синтезъ должны имѣть каждый свою долю законнаго участія и взаимно содѣйствовать достиженію истины. При помощи анализа мы достигаемъ познанія основоположеній философіи; исходя изъ этихъ основоположеній, мы рѣшаемъ частные философскіе вопросы и образуемъ систему философскаго знанія *).

---

*) Необходимость соединенія анализа и синтеза въ дѣлѣ философіи всегда признавали замѣчательнѣйшіе мыслители древняго и новаго міра, хотя въ своемъ дѣйствительномъ философствованіи не всегда держались закономѣрнаго соотношенія между ними, незамѣтно склоняясь къ сторонѣ то эмпиризма, то идеализма. Такъ напр. въ опредѣленіи метода философіи сходятся оба великіе представители древней философіи: Платонъ и Аристотель. По ученію Платона, задача философскаго метода двоякая: 1) повсюду разсѣянное соединять въ одинъ образъ, чтобы чрезъ то точнѣе изслѣдовать его; это путь образованія понятій посредствомъ отвлеченія общаго отъ частнаго; этимъ путемъ мы должны постепенно восходить къ высшимъ и высшимъ понятіямъ, пока не дойдемъ до высочайшаго. 2) За тѣмъ снова отъ высшаго понятія мы должны нисходить къ низшимъ, которыя ему подчинены, раздѣлять ихъ по родамъ, разсматривать то, что будетъ вытекать изъ положенныхъ въ основаніе началъ и идти этимъ путемъ до послѣднихъ слѣдствій. При такомъ методѣ философія получаетъ

**Систематическая форма философіи.** Каждая наука, въ отличіе отъ знаній ненаучныхъ, кромѣ самостоятельнаго содержанія и правильнаго метода, должна имѣть и особую научную форму, въ которой излагается это содержаніе. Такая форма есть систематическая. Нашъ умъ несравненно выше цѣнитъ познанія, изложенныя въ формѣ систематической, чѣмъ въ безсвязномъ видѣ отрывочныхъ мнѣній, положеній, частныхъ фактовъ; истинное знаніе не иначе мыслимо, какъ систематическимъ.

Въ философіи эта потребность систематическаго мышленія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше, отвлеченнѣе и труднѣе для непосредственнаго уразумѣнія ея понятія и чѣмъ поэтому

---

истинно-научный характеръ, который отличаетъ знаніе философское не только отъ эмпирическаго, но и отъ ближайшаго къ нему по научному достоинству — математическаго. Философія, по мнѣнію Платона, тѣмъ отличается отъ послѣдняго, что одна она возвышается до истинныхъ началъ (ἀρχαί) и отъ нихъ снова, при помощи чистыхъ понятій, нисходитъ къ менѣе общему, тогда какъ математика выводитъ частныя положенія только изъ предположеній (ὑποθέσεις), которыя не имѣютъ значенія наивысшихъ началъ. Аристотель указываетъ философіи ту же двойную задачу, какъ и Платонъ. Отъ единичнаго и особеннаго, которое лежитъ ближе къ нашимъ чувствамъ и потому *для насъ* есть первое и болѣе извѣстное, мы должны восходить ко всеобщему, которое *само по себѣ* есть первое и наиболѣе познаваемое; затѣмъ изъ общаго, какъ служащаго основаніемъ, мы должны познавать единичное и частное, какъ его необходимое слѣдствіе. Глазъ нашего ума, замѣчаетъ онъ, долженъ сначала привыкнуть къ мерцанію и сумеркамъ чувственнаго міра и укрѣпить себя упражненіемъ, чтобы не быть ослѣпленнымъ дневнымъ свѣтомъ въ царствѣ чистой мысли. Изъ новыхъ философовъ вѣрно и наглядно опредѣляетъ значеніе двухъ методовъ познанія въ области науки Баконъ. „Большая часть занимавшихся до сихъ поръ наукою", говоритъ онъ, „были или эмпирики или раціоналисты. Но эмпирики, по подобію муравьевъ, только собираютъ и накопляютъ матеріалъ; раціоналисты, по подобію пауковъ, прядутъ изъ себя нити. Но разсудокъ нашъ долженъ держаться середины и походить на пчелу, которая хотя собираетъ матеріалъ изъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, но переработываетъ его и обращаетъ въ медъ собственною силою и способностью" (Nov. Org. 1. c. 94). Съ этимъ сравненіемъ мы вполнѣ можемъ согласиться, если только въ философіи подъ именемъ цвѣтовъ, изъ которыхъ нашъ умъ извлекаетъ матеріалъ для самостоятельной работы, будемъ разумѣть не факты внѣшняго только опыта, какъ эмпирики, но и непосредственно присущія уму человѣка данныя,—понятія и идеи, которыя и должны служить главнымъ источникомъ философскаго познанія.

необходимѣе указаніе логической связи и взаимнаго отношенія между этими понятіями для полнаго ихъ уясненія.

Кромѣ высоты и трудности предмета, необходимость строго систематической формы для философіи условливается, какъ преобладаніемъ въ ней дедуктивнаго метода, такъ и содержаніемъ этой науки. Высшая задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы, исходя изъ твердо обоснованыхъ путемъ анализа принциповъ, представить все существующее въ одномъ цѣльномъ міросозерцаніи, какъ одинъ идеальный міръ въ гармонической связи и соотношенія его частей. Но отображеніе этого міра въ нашемъ умѣ можетъ быть выражено только въ видѣ системы, какъ научнаго цѣлаго, исходящаго изъ одного принципа и путемъ дедукціи стройно проводящаго этотъ принципъ по всѣмъ частямъ философскаго изслѣдованія. Задача философіи въ томъ и состоитъ, чтобы реальную систему вселенной отобразить въ болѣе или менѣе адекватной формѣ въ системѣ нашего познанія. Вотъ почему понятіе системы всегда считалось чѣмъ-то по преимуществу свойственнымъ философіи. Мы обыкновенно говоримъ: система философіи, исторія философскихъ системъ, а не говоримъ: система исторіи, химіи, медицины и т. п., не смотря на то, что систематическое изложеніе свойственно и прочимъ наукамъ; ни одна изъ нихъ не предлагаетъ своего содержанія въ видѣ нестройно и безсвязно изложенныхъ фактовъ, наблюденій, мыслей. Но различіе между философіей и другими науками въ томъ, что въ послѣднихъ форма по отношенію къ содержанію есть нѣчто не столь существенное, какъ въ философіи. Главная цѣль и значеніе ея здѣсь состоитъ въ приведеніи разнообразнаго научнаго матеріала въ такой логическій порядокъ, который облегчалъ бы разумѣніе науки и удержаніе въ памяти фактовъ посредствомъ правильной ихъ группировки. Самое же содержаніе науки не измѣняется отъ такой или иной формальной обработки; разнообразіе въ построеніи науки, въ порядкѣ изложенія, даже недостатки въ этомъ отношеніи, мало вредятъ дѣйствительному досто-

инству содержанія, если таковое существуетъ. Здѣсь дѣйствительно требуется не столько система, сколько систематическое изложеніе науки. Въ философіи напротивъ, — система требуется самымъ содержаніемъ и господствующимъ методомъ науки,—есть не только система изложенія, но и *система мышленія*. Что система мышленія, существенно принадлежащая философіи, и система, или точнѣе, систематическій порядокъ изложенія, который свойственъ и другимъ наукамъ, не одно и то же, можно видѣть изъ того, что въ философіи систематичность мышленія не всегда соединялась съ систематическимъ изложеніемъ науки. Исторія философіи представляетъ намъ часто философію въ формахъ вовсе не систематическихъ. Ксенофанъ, напр., и Парменидъ излагали свое ученіе въ поэмахъ, Платонъ въ діалогахъ, Лейбницъ и Якоби въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, написанныхъ по поводу частныхъ вопросовъ; Монтань, Паскаль, Руссо, Вольтеръ причисляются къ философамъ, хотя у нихъ нѣтъ ни одного сочиненія, которое по формѣ могло бы быть названо строго философскимъ.

Отсюда видно, что истинная система философіи заключается не въ одной внѣшней ея формѣ, но во внутренней, взаимной связности ея положеній. Въ дѣйствительной системѣ отдѣльныя мысли находятся между собою въ такой же живой связи, какъ отдѣльные органы въ организмѣ. Они взаимно другъ друга условливаютъ и, взаимно поддерживая, образуютъ одно стройное цѣлое. Поэтому, истинная система и въ отдѣльныхъ своихъ положеніяхъ, если мы даже возьмемъ ихъ внѣ формальной связаности, не теряетъ своего характера; и отдѣльныя ея положенія, какъ разъединенные органы организма, тотчасъ покажутъ, къ какому цѣлому они принадлежали и какое мѣсто въ немъ занимали. Вотъ почему внимательная критика изъ немногихъ сохранившихся отрывковъ сочиненія, написаннаго истиннымъ философомъ, можетъ правильно заключать о характерѣ цѣлаго ученія. Въ истинно философской системѣ важно не столько то, въ какомъ по-

рядкѣ изложены мысли философа, сколько то, соотвѣтствуютъ ли онѣ одна другой, совмѣстимы-ли въ цѣломъ организмѣ науки. Такъ напр., читая разнородныя и, повидимому, ничѣмъ между собою не связанные діалоги Платона, мы тѣмъ не менѣе признаемъ въ его философіи строгую систему, потому что находимъ единство и взаимную связь всѣхъ его идей.

---

## III. Составъ философіи.

Если философія въ сравненіи съ другими науками есть наука систематическая по преимуществу, то такимъ характеромъ ея уже указывается на необходимость логически стройнаго выведенія частныхъ ея отдѣловъ (спеціальныхъ философскихъ наукъ) изъ какого-либо общаго начала, причемъ они представлялись бы намъ въ такомъ же правильномъ соотношеніи и взаимозависимости, въ какой находятся отдѣльные члены въ единомъ, живомъ и цѣльномъ организмѣ. Такимъ началомъ можетъ служить для насъ понятіе о методѣ философіи.

Мы видѣли, что въ дѣлѣ философскаго познанія синтетической части науки должна предшествовать аналитическая, что тѣ основоположенія, которыя составляютъ руководящія начала для раскрытія философскихъ понятій о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, нравственности, правѣ, изящномъ, должны быть предварительно разъяснены въ ихъ происхожденіи, значеніи, достовѣрности. Прежде положительнаго раскрытія философскихъ понятій мы должны изслѣдовать самый органъ нашего познанія — мышленіе и показать условія правильнаго познанія; это задача *логики*. Далѣе, такъ какъ наши познанія, наша дѣятельность, наше эстетическое чувство не есть что либо совершенно самостоятельное и независимое въ своихъ обнаруженіяхъ отъ общей жизни души и отъ различныхъ

частныхъ функцій нашего психическаго организма, то намъ необходимо изслѣдованіе этого организма,—аналитическое изученіе нашей души—*опытная психологія*. Она должна показать психологическое образованіе тѣхъ основныхъ идей, коими опредѣляется наша умственная, нравственная и эстетическая жизнь, и указать тѣ многоразличные оттѣнки и измѣненія этой жизни, которые условливаются какъ взаимодѣйствіемъ различныхъ силъ нашей природы, такъ и разнообразными внѣшними вліяніями. Чрезъ это она можетъ привести насъ къ открытію коренныхъ законовъ и требованій нашей природы и выдѣлить ихъ отъ случайныхъ ея видоизмѣненій. Наконецъ, основныя философскія понятія не суть нѣчто данное, готовое или непосредственно открывающееся уму; они должны быть найдены, предварительно научнымъ образомъ обоснованы. Но для этого недостаточно одной только силы формальнаго мышленія, какъ бы оно изощрено и логически безукоризненно ни было; недостаточно здѣсь и знанія природы нашей души, которое можетъ дать внутренній опытъ при содѣйствіи науки о душѣ. Довѣрившись только себѣ самимъ и силѣ собственнаго мышленія въ дѣлѣ философіи, мы предприняли бы трудъ непосильный и недалеко ушли бы. Лучшій путь къ установленію прочнаго и истинно научнаго философскаго міросозерцанія есть путь изученія, сравненія, критическаго изслѣдованія различныхъ философскихъ ученій. Философія, какъ и всякая другая наука, не есть что-либо готовое, данное, навсегда остановившееся; она не есть также нѣчто, каждый разъ вновь создаваемое индивидуальною силою отдѣльнаго мыслящаго ума; она находится въ постоянномъ движеніи, имѣетъ свои корни въ прошедшемъ, и настоящее ея положеніе не можетъ быть вѣрно понято безъ знанія этого прошедшаго. Все это показываетъ на необходимость изученія историческаго хода философскаго мышленія, необходимость *исторіи философіи*. Только при знаніи исторіи философіи возможно, какъ точное знаніе философіи вообще, во всей совокупности ея обнаруженій въ человѣчествѣ, такъ

и дѣйствительное движеніе впередъ безъ опасенія повторить то, что давно уже извѣстно и для насъ лишь кажется новымъ и нами открытымъ.

Указанныя нами науки (логику, психологію и исторію философіи) можно назвать основными, пропедевтическими въ томъ смыслѣ, что онѣ составляютъ необходимое приготовленіе къ высшему философствованію и даютъ основаніе къ разрѣшенію проблеммъ метафизическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ, имѣя конечно и самостоятельное научное значеніе. Можно назвать ихъ также и аналитическими, такъ какъ преобладающій въ нихъ методъ есть анализъ, на основаніи котораго и возможно дальнѣйшее, синтетическое построеніе науки.

Второй кругъ философскихъ наукъ составляютъ: метафизика, иѳика съ философіею права и эстетика. Въ этихъ наукахъ философія должна представить намъ опытъ положительнаго рѣшенія своихъ важнѣйшихъ задачъ. *Метафизика*, въ своемъ ученіи о сущемъ вообще (онтологія), о безусловно (естественное богословіе) и условно сущемъ (космологія и умозрительная психологія), должна дать намъ полное цѣльное философское міросозерцаніе идеальной стороны бытія, въ какой мѣрѣ она доступна для нашего ума. *Иѳика* и *философія права* должны представить законы и нормы нашей практической, нравственной и общественной дѣятельности; *эстетика*—законы и формы эстетическаго творчества. Что касается до относительной самостоятельности этихъ наукъ, то она предполагается не только различіемъ главныхъ высшихъ силъ человѣческаго духа: ума, воли и чувства, но и различіемъ самыхъ идей: истины, добра и изящнаго, лежащихъ въ ихъ основаніи.

Но исчисленными нами науками не исчерпывается содержаніе философіи. Философія есть наука о сущности, послѣднемъ основаніи и цѣли существующаго. Но сущности, основанія и цѣли вещей не составляютъ области бытія и знанія отрѣшенной отъ дѣйствительнаго обнаруженія и проявленія этихъ

высшихъ, идеальныхъ началъ въ мірѣ реальномъ; отсюда и задача философіи не можетъ быть ограничиваема однимъ общимъ разсмотрѣніемъ идеальныхъ началъ въ ихъ отвлеченіи отъ бытія дѣйствительнаго. Все существующее можетъ быть разсматриваемо съ высшей философской точки зрѣнія въ связи съ высшими теоретическими идеями и практическими идеальными требованіями и оцѣниваемо по отношенію къ этимъ идеямъ и требованіямъ. Философія имѣетъ право съ высоты общихъ умозрительныхъ началъ сходить въ область дѣйствительности и предлагать опыты освѣщенія и уразумѣнія ея при свѣтѣ идей, показывая способы осуществленія ихъ въ послѣдней. Отсюда возникаетъ возможность разнообразныхъ философскихъ изслѣдованій, которыя общія и основныя начала, установленныя предыдущими науками, будутъ прилагать къ философскому объясненію различныхъ сторонъ дѣйствительнаго бытія. Такого рода изслѣдованія, какъ скоро они по широтѣ и важности захватываемаго ими философскаго содержанія разрастаются до объема цѣлыхъ наукъ, мы можемъ назвать *прикладными* философскими науками. По важности разсматриваемаго содержанія первое мѣсто въ числѣ такого рода наукъ занимаютъ *философія исторіи* и *философія религіи*. При свѣтѣ раскрытыхъ метафизикою идей о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣка, эти науки должны имѣть своею задачею раскрыть намъ общіе законы, истинный смыслъ и разумность, первая—историческаго развитія человѣчества, послѣдняя — религіознаго его сознанія, а вмѣстѣ съ этимъ представить новое, фактическое подтвержденіе нашего общаго философскаго міросозерцанія.

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго нами, составъ философскихъ наукъ мы можемъ представить себѣ въ видѣ слѣдующихъ трехъ группъ:

1. Науки *основныя*, пропедевтическія, съ преобладающимъ аналитическимъ методомъ: логика, опытная психологія. исторія философіи.

2. Науки *составныя*, съ преобладающимъ синтетическимъ методомъ: метафизика, иѳика съ философіею права, эстетика.

3. Науки *прикладныя*, въ которыхъ одинаковое участіе принимаетъ какъ анализъ, такъ и синтезъ: философія исторіи, философія религіи и др.

Въ виду логическаго требованія отъ каждаго систематическаго изслѣдованія—дать предварительно общее понятіе о его предметѣ (опредѣленіе) и методѣ, указать его части и отношеніе къ другимъ соприкосновеннымъ съ нимъ предметамъ знанія, изложенію отдѣльныхъ философскихъ наукъ должно предшествовать общее *введеніе въ философію*. Если къ этому введенію присоединяется очеркъ всего содержанія философіи, съ цѣлью въ сжатомъ и систематическомъ видѣ изложить сущность извѣстной философской системы, то мы получаемъ *энциклопедію философіи* *).

---

## IV.

## Значеніе философіи для науки и жизни.

Послѣ разъясненія содержанія, метода и состава философіи мы должны показать отношеніе ея къ прочимъ наукамъ, ея значеніе, и устранить важнѣйшія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ этого значенія.

---

*) Представленный нами порядокъ философскихъ наукъ основанъ на требованіяхъ научнаго метода самостоятельнаго философскаго познанія. Но онъ можетъ быть измѣненъ въ виду педагогическихъ требованій. Такъ какъ главное педагогическое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы въ дѣлѣ преподаванія мы восходили отъ легчайшаго къ труднѣйшему для уразумѣнія, то на этомъ основаніи мы имѣемъ право выключить исторію философіи изъ числа наукъ пропедевтическихъ и дать ей мѣсто послѣ положительнаго изложенія философіи. Пониманіе философскихъ системъ, особенно новѣйшихъ, предполагаетъ достаточное уже развитіе философскаго мышленія, предварительное знакомство съ

1. **Отношеніе философіи къ религіи.** Ближайшая соприкосновенная съ философіею область познанія есть область знанія религіознаго. По содержанію богословіе и философія въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ и задачахъ совпадаютъ; и то и другая одинаково говорятъ намъ о высочайшемъ началѣ бытія—Богѣ и о другихъ высшихъ вопросахъ знанія и жизни, имѣя въ виду установить правильный взглядъ на міръ, на человѣка, на послѣднія цѣли его бытія и дѣятельности; основныя и всеобщія истины религіи всегда составляли важнѣйшій предметъ и философскаго знанія. Отсюда вытекаетъ необходимость точнѣе установить отношеніе между религіею и философіею, тѣмъ болѣе, что при общности вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію въ той и другой, какъ показываетъ исторія, очень часто возникали недоразумѣнія объ ихъ относительномъ значеніи для знанія и жизни. Крайнимъ выраженіемъ этихъ недоразумѣній служатъ два противоположныя воззрѣнія на отношеніе религіи и философіи, изъ которыхъ одно ведетъ къ совершенному уничтоженію значенія религіи, другое—философіи.

1. Такъ какъ философія есть знаніе раціональное и научное, а религія основывается на вѣрѣ и довѣріи къ авторитету, то это подавало нѣкоторымъ поводъ думать, что, при единствѣ существеннаго содержанія и задачъ, философія вполнѣ можетъ замѣнить религію, какъ форма высшаго познанія истины низшую и менѣе совершенную. Религія, по мнѣнію Гегеля, есть знаніе въ формѣ представленія, философія — въ формѣ понятія.

Но противъ этого мнѣнія должно замѣтить, что достоинство всякаго рода познаній измѣряется не одною ихъ формою, но главнымъ образомъ истиною ихъ содержанія. Истинное по-

---

философскими понятіями и основными философскими воззрѣніями. Положительное изученіе философіи кромѣ того должно дать критерій для отличенія истиннаго отъ ложнаго въ различныхъ философскихъ ученіяхъ, безъ чего малоопытный умъ могъ бы запутаться въ разнообразіи и противорѣчіяхъ философскихъ системъ.

знаніе, хотя бы пріобрѣтено было по простому довѣрію къ словамъ другихъ и не было выражено въ научной формѣ, въ дѣйствительности выше и совершеннѣе, чѣмъ искусно построенная, но ложная по содержанію философская система. Поэтому, говоря о значеніи какихъ-либо познаній для знанія и жизни, мы должны имѣть въ виду не одно совершенство ихъ научной формы, но внутреннюю цѣнность и дѣйствительное вліяніе на жизнь.

Сравнивая съ этой точки зрѣнія религію и философію, мы должны рѣшительно отвергнуть мысль о возможности замѣны первой послѣднею.

а. Исторія философіи представляетъ намъ крайнее разнообразіе философскихъ мнѣній, другъ другу противорѣчащихъ и неустойчивыхъ. Не говоря о частныхъ причинахъ такого явленія, самая ограниченность человѣческаго разума не позволяетъ надѣяться, чтобы въ какой-либо системѣ и въ какое-либо данное время мы могли бы при помощи философіи достигнуть полнаго и окончательнаго рѣшенія высшихъ вопросовъ знанія и жизни. Философія, какъ и всякая другая наука, находится въ процессѣ постояннаго развитія и усовершенствованія и поэтому ни какой частный моментъ въ ея развитіи, никакая философская система не можетъ быть признана выраженіемъ безусловной истины, а имѣетъ значеніе только степени извѣстнаго приближенія къ ней.

Между тѣмъ, для достиженія цѣли бытія человѣческаго, въ особенности для осуществленія нравственнаго совершенства, необходимо твердое убѣжденіе въ несомнѣнности различныхъ теоретическихъ и практическихъ истинъ, опредѣляющихъ нашу нравственную жизнь; безъ этихъ истинъ вся наша дѣятельность не имѣла бы подъ собою твердой почвы, была бы неустойчивою и сомнительною. Жизнь не ждетъ, пока наука или философія окончательно рѣшитъ тѣ высшіе вопросы, отъ которыхъ зависитъ направленіе нашей нравственной дѣятельности; она требуетъ немедленнаго и вѣрнаго ихъ рѣшенія.

Такое рѣшеніе можетъ быть дано только религіею. Она силою высшаго, божественнаго авторитета дѣлаетъ твердыми и несомнѣнными для насъ тѣ, опредѣляющія нравственную жизнь, истины, которыя для философіи могутъ быть только проблемами, болѣе или менѣе удовлетворительно, но не окончательно рѣшенными. Такая необходимость восполненія знанія религіозною вѣрою, очевидно, существуетъ и для философа столько же, сколько и для каждаго человѣка; для философа даже на столько болѣе, на сколько яснѣе и глубже онъ долженъ сознавать и природу нашего познанія и его границы, чѣмъ не философъ.

б. Но если бы даже философія могла дать несомнѣнное рѣшеніе высшихъ вопросовъ жизни (чему противорѣчитъ опытъ), то, будучи знаніемъ научнымъ и при томъ по своей отвлеченности, труднѣйшимъ въ области познанія, она могла бы служить замѣною знанія религіознаго только для нѣкоторыхъ, философски образованныхъ лицъ. Между тѣмъ истинныя понятія о Богѣ, Его отношеніи къ міру и человѣку, о нравственности, безусловно необходимы для каждаго человѣка независимо отъ степени его образованія. Богъ *хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины*. (Тим. 2, 4). Для достиженія этой цѣли дарована человѣку богооткровенная религія, гдѣ высочайшія истины предложены въ такой формѣ, которая дѣлаетъ ихъ удобопріемлемыми для простыхъ людей столько же, сколько и для людей высокообразованныхъ.

в. Наконецъ для осуществленія нравственнаго совершенства, какъ высшей цѣли человѣческаго бытія, необходимо, чтобы усвоенныя человѣкомъ высшія истины были не мертвыми теоретическими истинами, не состоящими ни въ какой связи съ его дѣятельностію, но убѣжденіями живыми и дѣйственными, имѣющими опредѣляющее вліяніе на его жизнь. Но можетъ ли дать философія такую жизненную силу своимъ истинамъ? Нравственное паденіе древняго языческаго міра ясно показало, какъ несбыточны мечты нравственнаго усовер-

шенствованія частнаго и общественнаго при помощи философіи. Древніе мудрецы были увѣрены въ истинѣ сократовскаго положенія: «знаніе есть добродѣтель» и потому надѣялись, что истинно знающій человѣкъ — философъ — можетъ быть и добродѣтельнымъ и счастливымъ. Опытъ ясно показалъ, что не только знаніе того, что́ хорошо и что́ худо, но даже искреннее желаніе добра безсильны сдѣлать человѣка добрымъ и счастливымъ, безъ особенной помощи свыше такъ какъ человѣкъ по самой, грѣхомъ поврежденной, своей природѣ склоненъ дѣлать не добро, котораго хочетъ, но зло, котораго не хочетъ. Отсюда видно, что не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи философское знаніе не можетъ замѣнить религіи.

2. Но отвергая, какъ совершенно ложную, мысль о возможности замѣнить религіозное знаніе философскимъ, мы должны признать невѣрнымъ и противоположное мнѣніе, объ излишествѣ и безполезности философіи при существованіи богооткровенной религіи.

Правда, для достиженія цѣли христіанской религіи нѣтъ настоятельной нужды въ философскомъ изслѣдованіи вопросовъ о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, такъ какъ въ своемъ попеченіи о спасеніи всѣхъ людей она имѣетъ въ виду не только научно-образованныхъ, но и простыхъ людей. Но для лицъ, которыя въ силу ихъ высшаго умственнаго развитія чувствуютъ потребность не только вѣровать, но и разумно убѣждаться въ истинахъ вѣры, христіанская религія не только не полагаетъ преграды этой естественной потребности, но напротивъ содѣйствуетъ ей, освѣщая своимъ божественнымъ свѣтомъ путь, по которому долженъ идти нашъ разумъ въ познаніи истины. Предлагая человѣку откровенное ученіе о Богѣ, она не уничтожаетъ тѣмъ самодѣятельности нашего ума, не обращаетъ его въ дѣлѣ богопознанія въ пассивную способность, все назначеніе которой состоитъ въ одномъ воспріятіи готоваго, отвнѣ даннаго содержанія. Напротивъ, возрождая человѣка всецѣло, по всѣмъ сторонамъ его

духовной природы, христіанская религія сообщаетъ новую жизнь не только нравственнымъ, но и умственнымъ его силамъ. Поэтому, если у насъ есть, какъ показываетъ вся исторія мышленія, естественное, законное и неискоренимое стремленіе къ раціональному разъясненію высшихъ вопросовъ знанія и жизни, то это стремленіе должно находить себѣ законное удовлетвореніе и въ области религіи христіанской.

Возраженіемъ противъ необходимости такого удовлетворенія естественной любознательности разума не можетъ служить то, что въ истинной религіи съ достаточною ясностью рѣшены всѣ высочайшіе вопросы человѣческаго знанія и что затѣмъ нѣтъ уже для насъ нужды рѣшать ихъ силами своего разума. Если у насъ есть свѣтъ солнечный—богооткровенная истина, то зачѣмъ, могутъ сказать, искать намъ истины при помощи тусклаго свѣта свѣчи — человѣческаго разума, философіи? Подобнаго рода заключеніе могло бы имѣть силу, если бы нашъ разумъ былъ чисто пассивною способностію познанія, въ родѣ «чистой таблицы» эмпириковъ, на которой только отпечатлѣвается начертанное на ней какою-либо внѣшнею, чуждою ей, силою. Но умъ нашъ не есть такая темная, мертвая таблица, освѣщаемая только отвнѣ, то солнцемъ—откровеніемъ, то свѣчею—философіею. Онъ есть сила живая, столько же необходимая для созерцанія истины, сколько глазъ для того, чтобы видѣть предметы при помощи свѣта. Для познанія истины необходимо самостоятельное участіе нашего разума столько же, сколько нужна дѣятельность нашего глаза, чтобы видѣть предметы внѣшніе. Если же глазъ будетъ безчувственъ, недѣятеленъ, то ему также мало можетъ помочь свѣтъ солнца, какъ и свѣтъ свѣчи. Дѣйствительно, откровеніе можно назвать свѣтомъ солнечнымъ въ сравненіи съ свѣтомъ разума относительно важнѣйшихъ вопросовъ нравственно-религіозной жизни, и истинная философія при рѣшеніи ихъ должна идти при руководствѣ этого свѣта. Но этотъ свѣтъ не уничтожаетъ самодѣятельности нашего ума; онъ не ослѣп-

ляетъ человѣка, но дѣлаетъ болѣе яснымъ его собственное зрѣніе. Сказать, что при свѣтѣ откровенія человѣкъ долженъ отказаться отъ самодѣятельности разума, не значитъ ли тоже, что требовать, чтобы человѣкъ при свѣтѣ солнца закрылъ глаза, чтобы лучше видѣть?

Если же нашъ разумъ есть сила живая, самодѣятельная и потому нуждающаяся въ соотвѣтственномъ упражненіи, чтобы не чахнуть и не слабѣть въ бездѣйствіи, то онъ конечно не только можетъ, но и долженъ имѣть свою долю участія въ дѣлѣ богопознанія. Необходимость первоначальнаго усвоенія религіозной истины вѣрою не упраздняетъ послѣдующей дѣятельности разума въ раскрытіи этой истины. Напротивъ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ христіанскій философъ, было бы признакомъ умственной лѣности и нерадѣнія, еслибъ мы, утвердившись въ вѣрѣ, не старались затѣмъ уразумѣть то, во что вѣруемъ *).

Но вполнѣ совмѣстимая съ религіею, философія еще бо́льшее имѣетъ значеніе для тѣхъ лицъ, для которыхъ истины христіанской религіи служатъ не только предметомъ вѣры, но и научнаго разъясненія,—для лицъ, изучающихъ богословіе.

Религіозная вѣра, какъ скоро принимаетъ форму научнаго знанія, становится богословіемъ, необходимо должна допустить и общенаучные пріемы изслѣдованія. Не довольствуясь непосредственнымъ признаніемъ религіозныхъ истинъ, нашъ разумъ стремится изложить эти истины въ систематической связи и подтвердить ихъ соотвѣтствующими доказательствами; религіозную вѣру онъ долженъ сдѣлать не только вѣрою сердца, но и ума, вѣрою сознательною и разумною. Но для достиженія этой цѣли всего лучше можетъ служить философское образованіе ума, такъ какъ философія не только указываетъ нормальныя формы и пріемы научнаго мышленія (логика), но и сама, по своему преимущественно синтетическому методу и по своимъ предметамъ, часто совпадающимъ

*) Анзельмъ Кентерберійскій. „Cur Deus homo?“ С. 2.

съ предметами религіознаго знанія, болѣе чѣмъ какая другая наука имѣетъ сродство съ богословіемъ и болѣе, поэтому, чѣмъ какая-либо иная наука можетъ содѣйствовать образованію научно-богословскаго мышленія.

Что касается до самаго содержанія богословія, то для болѣе отчетливаго уразумѣнія богословскихъ истинъ и ихъ историческаго раскрытія, во многихъ случаяхъ необходима помощь философіи. Постепенное уясненіе и раскрытіе догматовъ въ древней христіанской церкви постоянно шло въ самомъ тѣсномъ и живомъ соприкосновеніи съ философіею своего времени. Ни полемика отцевъ и учителей церкви противъ современнаго язычества и, состоявшихъ иногда подъ вліяніемъ философіи, еретическихъ ученій; ни положительныя доказательства ими многихъ истинъ христіанской религіи, причемъ они и имѣли въ виду лучшее въ языческой философіи и пользовались пріемами изслѣдованія, употребительными въ современной философской наукѣ; ни точный смыслъ догматической терминологіи, образовавшейся не безъ содѣйствія философской терминологіи своего времени,—не могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты и оцѣнены безъ знанія древней философіи. Все средневѣковое, схоластическое богословіе заключаетъ въ себѣ значительную долю философскаго элемента, обязаннаго своимъ происхожденіемъ отчасти вліянію Аристотеля, отчасти Платона чрезъ посредство блаженнаго Августина, отчасти самостоятельной философской дѣятельности замѣчательныхъ средневѣковыхъ мыслителей. Въ новое время въ богословской протестантской наукѣ постоянно отражалось вліяніе современныхъ ея движенію философскихъ системъ и безъ знанія ихъ трудно понять исторію этой науки и причины появленія различныхъ богословскихъ направленій.

Но не въ одномъ только отчетливомъ разумѣніи христіанской истины состоитъ цѣль высшаго богословскаго образованія, но и въ защитѣ ея отъ вражескихъ нападеній. Эти нападенія, какъ показываетъ исторія церкви, часто исходили изъ области философіи. Для пониманія враждебныхъ христі-

анству направленій философской мысли, нужно знакомство съ ними, а для опроверженія ихъ—не простое указаніе на несоотвѣтствіе ихъ съ истинами религіи (ибо такое указаніе было бы безцѣльно и не убѣдительно для отвергающихъ авторитетъ религіи), но знаніе философіи и пріемовъ философской критики. Еще болѣе необходимо для современнаго богослова знаніе философіи для успѣшной, совмѣстной съ истинною философіею борьбы противъ современнаго столько же антифилософскаго, сколько антирелигіознаго матеріализма, думающаго стоять на твердой почвѣ естествознанія, равно какъ и противъ различныхъ видовъ позитивизма и утилитаризма, въ теоріи отрицающихъ не только сверхчувственный элементъ религіи, но и вышечувственный (метафизическій) философіи, а на практикѣ всю цѣль жизни полагающихъ въ одномъ внѣшнемъ благосостояніи. Здѣсь философія и религія должны идти дружно и согласно для защиты общихъ той и другой высшихъ идеальныхъ интересовъ разума и человѣчества.

2. **Отношеніе философіи къ наукамъ положительнымъ.** Мы видѣли, что философія, не отдѣляя для себя особой области познаваемаго бытія, разсматриваетъ съ высшей идеальной точки зрѣнія тѣ основныя начала, которыя въ другихъ наукахъ принимаются на вѣру, рѣшаетъ тѣ высшіе вопросы знанія и жизни, которые хотя и вытекаютъ изъ содержанія каждой науки, но не могутъ быть рѣшены въ ограниченныхъ ихъ предѣлахъ и эмпирическимъ методомъ. Это показываетъ какъ существенную связь философіи съ другими науками, такъ и важное ея значеніе для нихъ. Такое значеніе состоитъ: въ установленіи и научномъ обоснованіи принциповъ каждой науки, въ расширеніи ея предѣловъ и углубленіи содержанія посредствомъ разъясненія вопросовъ, которые не могутъ быть рѣшены помимо философіи, и наконецъ въ сообщеніи наукамъ высшаго идеальнаго направленія, предотвращающаго ихъ односторонность и разъединенность.

Каждая эмпирическая наука, конечно, до извѣстной степени можетъ обойтись безъ разъясненія своихъ основныхъ понятій

и безъ научнаго оправданія достовѣрности тѣхъ логическихъ пріемовъ, какими она пользуется, — но только до извѣстной степени. Мы можемъ, напр., заниматься химіей, не касаясь вопроса, что такое матерія и откуда она произошла; можемъ заниматься математикой, не спрашивая, что такое пространство и время; можемъ заниматься всякаго рода научными изслѣдованіями, не спрашивая о достовѣрности нашего мышленія и познанія. Но наука въ высшемъ и идеальномъ ея значеніи не должна исходить изъ положеній, принимаемыхъ на вѣру, но должна изслѣдовать самыя эти положенія, чтобы мы вполнѣ могли быть убѣждены въ твердости самаго фундамента науки и надежности тѣхъ познавательныхъ средствъ, какими мы пользуемся. Но для этого необходимо содѣйствіе той науки, которая своею задачею поставляетъ изслѣдованіе основаній знанія и бытія, — философіи.

Истинно научное знаніе предмета, исходя изъ твердо обоснованныхъ началъ, должно быть полнымъ и всестороннимъ. Но для достиженія этой цѣли недостаточно чисто эмпирическаго знанія фактовъ и ближайшихъ причинъ и законовъ явленій; такое знаніе стоитъ еще на окраинахъ истиннаго знанія; оно не можетъ дать намъ полнаго пониманія истины бытія, проникнуть въ его послѣднія основы, смыслъ, цѣль; оно не можетъ поэтому и рѣшить для насъ высочайшихъ жизненныхъ вопросовъ человѣческаго духа. О положительныхъ наукахъ, обогащающихъ насъ массою всевозможныхъ свѣдѣній, можно сказать словами древняго философа (Гераклита): «многознаніе уму не научитъ; мудрость состоитъ въ одномъ понять мысль, управляющую всѣмъ чрезъ все». Такое высшее знаніе, — знаніе не только фактовъ и явленій, но и самой сущности вещей, не только ближайшихъ причинъ явленій, но самой первопричины бытія и старается дать намъ философія. Вообще, идеалъ истинно научнаго знанія есть гармоническое сочетаніе философскаго и эмпирическаго изученія предмета. И одно философское знаніе, не смотря на его значеніе, безъ знанія эмпирическаго было бы также односторон-

нимъ, такъ какъ нашъ умъ требуетъ познанія не однихъ только основаній и формъ существующаго въ ихъ отвлеченности, но и познанія частныхъ явленій, въ которыхъ разнообразно выражаются эти идеальныя формы. Изъ одного философскаго ученія о бытіи также трудно составить точное и полное понятіе о живой дѣйствительности, какъ по архитектурному плану зданія о его дѣйствительной красотѣ или какъ по скелету животнаго судить о живомъ организмѣ. Но тѣмъ не менѣе такое знаніе основаній бытія и коренныхъ его формъ точно также необходимо для истинно-научнаго пониманія существующаго, какъ знаніе плана для полнаго понятія о зданіи. Тѣмъ болѣе въ величественномъ и необъятномъ храмѣ вселенной мы растерялись-бы въ мелочахъ и подробностяхъ и не составили-бы вѣрнаго понятія о красотѣ самаго храма и о совершенствахъ его Архитектона, если бы нашъ умъ не пытался, подъ безконечно-разнообразною тканью явленій, открывать незримыя для эмпирическаго наблюденія общія, простыя основы бытія,—идеи, на которыхъ держится и которыми связывается разнообразіе явленій.

Сообщая положительнымъ знаніямъ научную основательность и полноту, философія въ то же время служитъ началомъ, объединяющимъ частныя научныя познанія въ одно стройное цѣлое и чрезъ то сообщаетъ имъ высшій идеальный характеръ. Характеристическая черта научнаго знанія нашего времени есть его крайняя спеціализація. Это явленіе необходимо условливается и естественнымъ умноженіемъ научнаго матеріала съ теченіемъ времени и тѣмъ, по преимуществу положительнымъ направленіемъ, которое приняла наука въ наше время. При постоянно увеличивающейся массѣ фактовъ и свѣдѣній, становится невозможнымъ для отдѣльнаго лица, какъ бы ни былъ великъ его талантъ, овладѣть научно всею совокупностью накопившихся вѣками свѣдѣній; научныя занятія и самыя науки постоянно расчленяются и раздробляются; самостоятельная работа становится возможною только въ одной какой-либо строго органиченной

области познаваемаго, причемъ другія области естественно остаются болѣе или менѣе невѣдомыми и недоступными для изслѣдованія. Это явленіе, конечно, имѣетъ свою полезную сторону въ дѣлѣ научнаго знанія. Сосредоточеніе ума на одномъ извѣстномъ предметѣ предотвращаетъ поверхностное многознаніе и служитъ наилучшимъ средствомъ основательнаго изученія предмета. Но есть и невыгодная сторона въ указанномъ явленіи. И въ обыкновенной жизни ограниченіе занятій одною какою-либо спеціальностію можетъ повести къ пониженію общаго уровня умственнаго развитія человѣка и измельчанію его жизненныхъ интересовъ, сдѣлать его одностороннимъ и тупымъ ко всему, что лежитъ за узкими границами его спеціальности. Тоже можетъ быть и въ области науки. Дробленіе умственнаго труда, условливаемое спеціализаціею наукъ, создавая усердныхъ тружениковъ на полѣ знанія, можетъ произвести, хотя ученыхъ, но въ то же время крайне ограниченныхъ и упорныхъ въ своей ограниченности спеціалистовъ, неспособныхъ надлежащимъ образомъ ни понять, ни оцѣнить того, что выходитъ за узкія рамки ихъ спеціальности. Является естественная, при увлеченіи извѣстнымъ кругомъ занятій, привычка преувеличивать ихъ значеніе, судить обо всемъ на основаніи сравнительно скуднаго запаса фактовъ извѣстной спеціальности, результатомъ чего можетъ быть не только неуваженіе къ правамъ другихъ наукъ, но и прямо односторонніе и ложныя сужденія о вопросахъ первостепенной важности.

Предотвратить это печальное явленіе, которое съ ожидаемою бо́льшею и бо́льшею спеціализаціею науки грозитъ усилиться, можетъ только философія. Какъ наука универсальная, въ томъ смыслѣ, что разсматриваетъ какъ бытіе, такъ и знаніе въ ихъ общихъ, первоначальныхъ основаніяхъ, она должна служить объединяющею связью всѣхъ наукъ, показать каждой свое мѣсто въ цѣломъ организмѣ науки и служить нитью, связывающею каждое спеціальное изслѣдованіе съ общимъ строемъ научнаго знанія даннаго времени. Какъ наука, за-

нимающаяся вышечувственною. идеальною стороною бытія, философія должна затѣмъ вложить душу и жизнь въ изученіе фактовъ, озарить ихъ идеальнымъ свѣтомъ и предотвратить ту, такъ сказать, матеріализацію научнаго знанія, къ которой такъ склонна современная наука съ преувеличеннымъ уваженіемъ къ простымъ фактамъ, независимо отъ нихъ внутренняго значенія для высшихъ цѣлей и интересовъ человѣческаго знанія и жизни. Она укажетъ, что внѣшнею, эмпирическою дѣйствительностію, не говоря уже о какой-либо спеціальной ея области, не исчерпывается область сущаго и познаваемаго, что за видимостію явленій лежатъ невидимыя ихъ основы—идеи, и уже этого одного признанія будетъ достаточно, чтобы предотвратить опасность того узкаго спеціализма, который въ своемъ самомнѣніи и ограниченности не видитъ и не уважаетъ ничего кромѣ доступнаго его ограниченному опыту и наблюденію.

**Разборъ важнѣйшихъ возраженій противъ значенія философіи.** Противъ представленнаго нами столь важнаго значенія философіи для знанія противники ея издавна указывали a) на безполезность ея въ этомъ отношеніи; b) на несостоятельность ея въ рѣшеніи предлагаемыхъ ею себѣ задачъ, и c) на вредное вліяніе ея въ области религіи и нравственности.

a) Исходя изъ той точки зрѣнія, что только положительныя свѣдѣнія имѣютъ научную цѣнность и находятъ практическое примѣненіе къ жизни, нѣкоторые отвергаютъ всякое значеніе философіи въ нашъ «положительный вѣкъ». Къ чему, говорятъ, нужна наука, занимающаяся трудными и отвлеченными вопросами, рѣшеніе которыхъ совершенно не требуется дѣйствительными, живыми интересами современнаго знанія и жизни практической?

Если бы и дѣйствительно философія была наукою вполнѣ далекою и отрѣшенною отъ жизни, то и въ такомъ случаѣ это нисколько не могло бы служить возраженіемъ противъ ея важнаго значенія. Высшая цѣль всякаго научнаго познанія состоитъ не въ служеніи измѣнчивымъ интересамъ прак-

тической жизни, но въ самостоятельномъ и свободномъ изслѣдованіи истины; знаніе должно само себѣ служить цѣлью, а не быть только средствомъ для достиженія полезныхъ для жизни примѣненій. Поэтому, если философія дѣйствительно возникаетъ изъ прирожденнаго человѣческому духу стремленія къ истинѣ и удовлетворяетъ какимъ-либо существеннымъ запросамъ ума, то тѣмъ самымъ она оправдываетъ свою необходимость въ ряду другихъ наукъ. А что философія носитъ на себѣ дѣйствительно эти признаки истиннаго знанія, это показываетъ и ея содержаніе и ея исторія. Если бы философскіе вопросы были не болѣе какъ игрою воображенія или измышленіями школьнаго остроумія, то, конечно, умъ человѣка былъ бы вправѣ отъ нихъ отказаться; но мы видимъ, что это самые жизненные, самые неразрушимые вопросы человѣческой мысли. Тогда какъ проходятъ и смѣняются философскія системы, сами они остаются въ глубинѣ умовъ; они не исчезаютъ съ системами, которыя имѣютъ притязанія рѣшить ихъ. Душа человѣка, его будущая судьба, цѣль жизни, міръ, Богъ, начала и причины вещей,—это не суть только проблеммы праздной діалектики; они законныя порожденія человѣческой мысли, они родились и могутъ исчезнуть только съ этою мыслію; міръ ихъ знаетъ точно такъ же, какъ и школа. Въ колыбели человѣческихъ обществъ ими овладѣваетъ религія и поэзія, затѣмъ съ развитіемъ человѣческой мысли ихъ беретъ философія, подвергаетъ анализу, созерцаетъ при чистомъ свѣтѣ разума и пытается дать имъ научное рѣшеніе. Смѣняются религіи, проходятъ одна за другою системы философовъ, но самые вопросы остаются безсмертными, какъ самъ разумъ, который носитъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ.

Если такъ устойчивы, такъ важны для ума и сердца философскіе вопросы, то можно-ли говорить, что занятіе ими безполезная трата времени? Если природа физическая привлекаетъ къ себѣ пытливый умъ человѣка съ такою силою, что онъ способенъ посвятить всю свою жизнь изслѣдованію какихъ-либо микроскопическихъ насѣкомыхъ или извѣстнаго

отдѣла минераловъ, то не болѣе ли способенъ возбудить нашу любознательность міръ сверхчувственный, идеальный, гдѣ человѣкъ надѣется найти ключъ къ разрѣшенію высшихъ тайнъ природы и собственнаго существованія?

б) Но положимъ, скажутъ, вопросы, которые стремится рѣшить философія, очень важны и основываются на дѣйствительной потребности человѣческаго разума. Но въ силахъ ли она рѣшить эти вопросы? Сама исторія философіи не свидѣтельствуетъ ли о ея несостоятельности въ этомъ отношеніи, представляя намъ постоянное разногласіе и борьбу философскихъ ученій? И какіе же результаты этой борьбы? Въ теченіе тысячелѣтій философія не успѣла выработать никакихъ прочныхъ и безспорныхъ истинъ, тогда какъ другія науки представляютъ намъ несомнѣнный прогрессъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Что касается до борьбы мнѣній, разрушенія въ философіи однѣхъ системъ и появленія другихъ, повидимому обреченныхъ на ту же участь, то это явленіе есть такое общее свойство ограниченнаго человѣческаго знанія, что выводить отсюда какіе-либо результаты, въ особенности неблагопріятные для философіи, было бы, очевидно, несправедливо. И въ области положительныхъ наукъ развѣ истина открывалась и утверждалась вдругъ и сразу? И здѣсь, самыя простыя и теперь столь очевидныя истины науки вырабатывались упорною борьбою мнѣній и долговременнымъ трудомъ. Давно-ли и естественныя науки выбрались на прямой путь изъ области предразсудковъ и произвольныхъ гипотезъ? Да и теперь, ужели наука о природѣ сказала свое послѣднее слово и всѣ ея гипотезы не допускаютъ уже дальнѣйшей критики и замѣны новыми? Вообще борьба, возникновеніе новаго не иначе, какъ подъ условіемъ разрушенія прежняго, оказавшагося несостоятельнымъ, есть общій удѣлъ жизни человѣка на всѣхъ ея путяхъ, и нѣтъ никакого основанія, почему-бы одна философія должна составлять здѣсь исключеніе. Такой законъ есть слѣдствіе самой природы ограниченнаго человѣческаго духа, задача

котораго не достигнуть разъ навсегда абсолютнаго покоя и неподвижности, но безустанно стремиться впередъ, недовольствуясь ничѣмъ даннымъ, и въ этомъ стремленіи болѣе и болѣе приближаться къ единой абсолютной истинѣ.

Кромѣ этого естественнаго закона развитія знанія, есть и особенныя причины, объясняющія возникновеніе въ философіи разногласій и споровъ, бо́льшихъ чѣмъ въ другихъ наукахъ. Прежде всего, нѣтъ сомнѣнія, что философія по самому содержанію своему, есть наука болѣе отвлеченная и трудная для пониманія большинства, чѣмъ другія науки. Но гдѣ самый предметъ болѣе теменъ и труденъ для уразумѣнія, тамъ естественно и споровъ и недоумѣній больше. Отсюда понятно и то, почему философскія истины должны входить въ общее научное сознаніе съ большимъ трудомъ послѣ большей борьбы и пререканій, чѣмъ въ другихъ областяхъ знанія; почему провѣрка ихъ и отчетливое убѣжденіе въ ихъ истинѣ болѣе затруднительны, чѣмъ напр. убѣжденіе во вновь открытой эмпирической истинѣ.

Затѣмъ причиною возникновенія споровъ и разногласій въ философіи служитъ самое значеніе философскихъ вопросовъ для знанія и жизни. Въ этомъ отношеніи, вопреки общепринятому мнѣнію объ отвлеченности философіи, ея истины гораздо ближе касаются жизни и ея существенныхъ вопросовъ, чѣмъ истины наукъ эмпирическихъ или историческихъ. Но гдѣ затронуты жизненные интересы, тамъ являются не только мирные, легко улаживаемые ученые споры, но и ожесточенная вражда, непримиримыя противорѣчія. Это даетъ намъ ключъ къ объясненію многаго въ судьбахъ философіи и наукъ положительныхъ. Лично для насъ, напр., совершенно безразлично—составляетъ ли ядро солнца твердое тѣло или газообразное; были ли Варяги-Русь норманское или славянское племя; если и возможны здѣсь споры между учеными, объясняемые отчасти недостаточностью научныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, отчасти ученымъ самолюбіемъ, то они легко прекращаются, какъ скоро дается новое болѣе вѣрное объясненіе

спорнаго факта, такъ какъ упорно отстаивать каждому свое мнѣніе нѣтъ особенно важныхъ побужденій. Но въ философіи дѣло идетъ о вопросахъ въ высшей степени важныхъ для опредѣленія нашей нравственной и общественной жизни, таковы вопросы о Богѣ, о самостоятельности души, ея свободѣ и под. Даже самые отвлеченные ея вопросы, напр. гносеологическіе о происхожденіи и степени достовѣрности нашего познанія, имѣютъ болѣе или менѣе близкую связь съ этими коренными и главными. Неудивительно поэтому, что въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ принимаетъ участіе и вліяетъ на это рѣшеніе въ томъ или иномъ смыслѣ не только холодный и безпристрастный разсудокъ, но и чувство съ разнообразною настроенностію его у различныхъ лицъ; человѣкъ въ что бы то ни стало старается отстаивать то убѣжденіе, къ которому влекутъ его личныя симпатіи и нравственная настроенность. Этимъ объясняется не только особенная рѣзкость споровъ и устойчивость противоположныхъ ученій, но и то, рѣдко встрѣчающееся въ исторіи другихъ наукъ, явленіе, что завѣдомо ложныя, не разъ опровергнутыя, теоріи неоднократно вновь появляются въ философіи и, пользуясь сочувствіемъ времени, получаютъ вновь неожиданную силу, — таковъ напр. матеріализмъ.

Но намъ говорятъ: положимъ, борьба и смѣна философскихъ ученій есть явленіе естественное и законное, находящее себѣ аналогію и въ исторіи другихъ наукъ. Но отчего же въ то время, когда подобною борьбою въ области этихъ наукъ вырабатывались новыя всѣми признаваемыя истины, философія одна не достигала никакихъ прочныхъ результатовъ? Въ то время, какъ естественныя науки представляютъ намъ наглядные результаты своихъ успѣховъ въ видѣ новыхъ открытій, новыхъ опытовъ изъясненія законовъ природы, философія представляетъ намъ только постоянныя варіаціи на однѣ и тѣ же старыя темы. Тѣ же философскія проблеммы, которыя возникали во время глубочайшей древности, стоятъ предъ умомъ человѣка неразрѣшен-

ными и теперь, а при обиліи существующихъ неудачныхъ рѣшеній ихъ, ничего новаго здѣсь философія повидимому сказать не можетъ.

Противоположеніе прогресса наукъ положительныхъ безуспѣшности философіи составляетъ любимое современное возраженіе противъ ея состоятельности. Но кажущаяся сила этого возраженія проистекаетъ отъ недостаточно яснаго пониманія задачи философіи и вслѣдствіе этого, неправильнаго пониманія и того, въ чемъ долженъ состоять прогрессъ въ области философіи и въ чемъ въ области наукъ эмпирическихъ. Ближайшая задача эмпирическихъ наукъ—познаніе частныхъ фактовъ и затѣмъ выводъ отсюда общихъ законовъ явленій путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему—путемъ индукціи. Отсюда, всякое открытіе новой частности, новаго факта въ области опыта есть дѣйствительное пріобрѣтеніе науки и само по себѣ и какъ новое средство къ выводу дальнѣйшихъ результатовъ. Такимъ образомъ въ наукахъ опытныхъ прогрессъ состоитъ главнымъ образомъ въ расширеніи объема знанія; здѣсь умъ идетъ впередъ прибавляя шагъ къ шагу, одно пройденное пространство къ другому. Философское знаніе напротивъ идетъ отъ общаго къ частному. Основныя философскія идеи и положенія не суть нѣчто постоянно вновь открываемое; заключаясь въ глубинѣ человѣческаго разума, онѣ присущи каждому, въ существѣ извѣстны издавна и наукою могутъ быть только разскрываемы, разъясняемы и доказываемы. Понятія о Богѣ, о мірѣ, о нравственномъ долгѣ, о свободѣ, о безсмертіи и т. п., не открыты когда-либо, какъ напр. Америка или обращеніе земли около солнца; они существовали въ человѣческомъ духѣ еще до появленія философіи и составляли предметъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній. Далѣе, основныя философскія воззрѣнія, напр. идеализмъ, матеріализмъ, скептицизмъ мы найдемъ въ самой глубокой древности, равно какъ и рѣшеніе различныхъ философскихъ вопросовъ въ духѣ этихъ направленій. Отсюда видно, что ходъ философскаго знанія отличенъ

отъ хода наукъ эмпирическихъ. Именно,—въ философіи онъ состоитъ не столько въ увеличеніи содержанія, сколько въ его раскрытіи и разъясненіи; ея прогрессъ не количественный, а качественный; не механическій, а органическій. Движеніе естественныхъ наукъ всего нагляднѣе мы можемъ представить себѣ какъ нарощеніе, увеличеніе массы неорганическаго предмета путемъ механическаго прибавленія новыхъ и новыхъ частицъ. Движеніе философіи — какъ органическое развитіе сѣмени или растенія; въ сѣмени, въ маленькомъ растеніи въ неразвитомъ видѣ есть уже задатки всего того, дальнѣйшее развитіе чего есть цѣль жизненнаго процесса; въ этомъ процессѣ, — ничего новаго, въ смыслѣ новыхъ частей, органовъ, членовъ не прибываетъ, но тѣмъ не менѣе организмъ безспорно развивается. Отсюда отношеніе предыдущаго къ послѣдующему въ области опыта есть отношеніе меньшаго къ большему; меньшаго количества свѣдѣній, фактовъ открытій къ большему; въ философіи—отношеніе неразвитаго, неяснаго, неопредѣленнаго, недоказаннаго,—къ болѣе точному, ясному, раціонально обоснованному. Науки опытныя идутъ въ даль; философскія въ глубь; въ первыхъ движеніе отъ центра къ периферіи, въ послѣднихъ отъ периферіи къ центру. Вотъ почему требовать отъ философіи постояннаго, чуть не ежедневнаго увеличенія предметовъ познанія или новыхъ истинъ въ томъ смыслѣ, какъ это требуется отъ другихъ наукъ, значитъ не понимать ея задачи. Но мы имѣемъ право требовать отъ философіи постепеннаго уясненія, раскрытія, болѣе и болѣе точнаго и строгаго доказательства тѣхъ понятій, которыя составляютъ ея содержаніе;—и исторія философіи показываетъ, что такое требованіе постоянно выполнялось. Конечно вѣрно, что тѣ же самыя проблеммы, которыя представлялись древнѣйшимъ мыслителямъ, стоятъ предъ философіею и теперь; но постановка этихъ проблеммъ и способы ихъ рѣшенія—въ новой философіи далеко не тѣ, что въ древней,

с) Какъ на возраженіе противъ значенія и пользы философіи указываютъ часто на вредное вліяніе ея въ области религіозной и нравственной.

Что касается до религіи, то уже нѣкоторые учители Церкви неблагосклонно смотрѣли на философію, обвиняли ее въ противодѣйствіи христіанству, называли ее матерью ересей. Въ новое время философію также нерѣдко обвиняютъ въ томъ, что она порождаетъ духъ сомнѣнія, невѣрія и враждебнаго отношенія къ религіи.

Не отвергая возможности и дѣйствительности частныхъ случаевъ вреднаго вліянія философіи въ области религіи, замѣтимъ, что это явленіе зависитъ не отъ какой либо спеціальной особенности философіи, ея содержанія и метода, но есть неизбѣжное слѣдствіе общаго несовершенства человѣческой природы. Какъ произведеніе ограниченнаго и потому несовершеннаго человѣческаго знанія, философія, конечно, можетъ уклоняться иногда отъ прямого пути и сталкиваться съ религіею; на ряду съ правильнымъ и благотворнымъ употребленіемъ разума можетъ быть и злоупотребленіе. Но это зло неизбѣжное по самому свойству нашей природы и философія виновна въ немъ не болѣе, какъ и другія направленія человѣческаго знанія и жизни. Говорятъ (повторяя слова Тертулліана), что философія матерь ересей, источникъ ложныхъ понятій о Богѣ и пр. Но ложныя религіозныя понятія существовали и до появленіи философіи; первое дѣло древней философіи состояло въ разрушеніи чувственныхъ представленій о богахъ политеизма и въ стремленіи установить истинное понятіе о высочайшемъ началѣ всего. Въ мірѣ христіанскомъ не гораздо ли болѣе возникало ересей изъ неправильнаго, превратнаго пониманія различныхъ мѣстъ Св. Писанія, чѣмъ изъ вліянія философскихъ теорій? Но кто же осмѣлится винить здѣсь Св. Писаніе, а не припишетъ это явленіе просто ограниченности человѣческаго знанія въ связи съ другими нравственными недостатками нашей природы. Философія, говорятъ, возбуждаетъ духъ сомнѣнія и невѣрія. Но забываютъ при

этомъ, что не всякая философія есть истинная философія и что легкомысленное сомнѣніе и дерзкое отрицаніе религіозной истины, въ этой послѣдней часто встрѣчало самаго рѣшительнаго противника. Вспомнимъ лжеименную мудрость софистовъ и истинную философію Сократа и Платона, столь побѣдоносно сражавшуюся противъ этой мнимой мудрости.

Философію часто смѣшиваютъ съ вольнодумствомъ и въ вину ей ставятъ то легкомысленное, презрительное и враждебное отношеніе къ религіи, какое замѣчается иногда въ образованномъ обществѣ. Но это общество большею частію совершенно неповинно въ знаніи философіи, и философія съ нимъ не имѣетъ ничего общаго. Здѣсь вина легкомысленнаго отношенія къ религіи заключается не въ философіи, а скорѣе въ недостаткѣ ея. «Правда», говоритъ Баконъ, «что недостаточное познаніе философіи можетъ произвести въ людяхъ наклонность къ невѣрію; но болѣе глубокое знаніе ея возвращаетъ людей къ религіи» *). Съ этою мыслію нельзя не согласиться. Поверхностное знакомство съ отрицательными выводами одностороннихъ философскихъ теорій, полузнаніе, которое при своемъ самомнѣніи бываетъ иногда вреднѣе невѣжества, легкомысліе при испорченности сердца,—вотъ что большею частію служитъ источникомъ невѣрія. Въ истинной же философіи современное невѣріе точно такъ же могло бы найти себѣ противоядіе, какъ въ древности, увлеченное софистами образованное общество нашло себѣ врачевство въ подлинной философіи Сократа, Платона, Аристотеля.

Кромѣ вреднаго вліянія философіи въ области религіозной, указываютъ иногда на такое же вліяніе ея на жизнь нравственную, имѣя въ виду ложныя теоріи матеріализма, скептицизма, пантеизма. Но и здѣсь, въ устраненіе этого нареканія, мы должны сказать то же, что говорили выше объ отношеніи философіи къ религіи; въ дѣлѣ знанія, на ряду съ правильнымъ употребленіемъ разума, могутъ быть и зло-

*) De atheismo. Ed. 1678, p. 183.

употребленія, отражающіяся въ гибельномъ вліяніи на нравственную жизнь; но это явленіе, свидѣтельствующее о несовершенствѣ человѣческой природы, не можетъ быть поставлено въ виду одной философіи. При неограниченной свободѣ философскаго изслѣдованія вполнѣ возможно возникновеніе на ряду съ другими и ученій разрушительно дѣйствующихъ на строй нравственной жизни. Но въ извиненіе философіи здѣсь должно замѣтить, что, съ одной стороны, самыя эти теоріи, какъ показываетъ исторія, возникаютъ не изъ одной теоретической, хотя и односторонней дѣятельности разума, но отъ вліянія на направленіе философскаго мышленія личныхъ, соціальныхъ, временныхъ условій. Не матеріалистическая, напр., философія создаетъ нравственную распущенность, но напротивъ, упадокъ нравственности и преобладаніе чувственныхъ интересовъ въ извѣстное время вызываетъ и поддерживаетъ подобнаго рода философію. Не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ обществамъ можно примѣнить слова извѣстнаго философа (Фихте): «какую кто избираетъ философію, это зависитъ отъ того, какой кто человѣкъ». Съ другой стороны, служа почвою для возникновенія противонравственныхъ ученій, философія въ самой себѣ находитъ и средство къ исправленію возникшаго зла. Исторія философіи свидѣтельствуетъ, что здравая философія не только всегда побѣждала противонравственныя теоріи, но и сама служила могущественнымъ средствомъ къ нравственному усовершенствованію человѣка. Съ особенною ясностію выразилось это благотворное вліяніе философіи на нравственную и общественную жизнь въ древнемъ мірѣ. Языческая религія, не давая твердыхъ основаній и мотивовъ для нравственной жизни въ своихъ чувственныхъ миѳахъ о богахъ, которые являлись образцами не нравственныхъ доблестей, а пороковъ и страстей, заставляла человѣка искать удовлетворенія своему нравственному чувству въ области разума и знанія. Философія старалась, съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и небезуспѣшно, восполнить недостаточность въ этомъ отношеніи религіи.

Она стремилась не только установить понятія о Богѣ и нравственности высшія, чѣмъ тѣ, какія давала религія, но, неограничиваясь теоріею, провести эти понятія въ жизнь. Что это стремленіе не осталось безплоднымъ, свидѣтельствуетъ исторія и то глубокое уваженіе, какое питали къ нравственному и общественному значенію философіи лучшіе люди языческаго міра *).

Въ мірѣ христіанскомъ, гдѣ человѣкъ нашелъ не только чистыя нравственныя понятія, но и благодатныя силы къ осуществленію ихъ въ жизни, естественно должно было ослабѣть и вліяніе философіи на нравственную жизнь. Но нельзя сказать, чтобы и здѣсь занятіе истинною и здравою философіею оставалось безплоднымъ для нравственности. Въ этомъ отношеніи ея вліяніе можетъ быть не столько прямое, состоящее въ указаніи нравственныхъ обязанностей и въ содѣйствіи къ ихъ исполненію, сколько въ сообщеніи человѣку умственнаго настроенія, благопріятнаго для нравственной жизни. Въ область философіи входитъ разсмотрѣніе не только теоретическихъ, но и нравственныхъ идей; но разъясняя эти идеи, она способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать нашу нравственную дѣятельность сознательною, отчетливою, разумною, слѣдовательно, она если и не создаетъ нравственности, то по-крайней-мѣрѣ придаетъ ей высшую цѣнность и достоинство.

Но и независимо отъ содержанія, самое занятіе философіею не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на жизнь уже по тому самому, что, имѣя своимъ главнымъ источникомъ разумъ, а методомъ—анализъ заключающихся въ разумѣ понятій, она пріучаетъ человѣка къ углубленію въ себя, къ са-

*) „О философія, путеводительница жизни, учительница добродѣтели, изгнательница пороковъ“! говорилъ Цицеронъ. „Какъ безъ тебя могли-бы существовать не только мы, но и вся жизнь человѣческая! Ты создала города; ты разсѣянныхъ людей призвала къ общественной жизни, соединила ихъ, сначала жилищами, затѣмъ супружествомъ, наконецъ общностію языка и наукъ; ты изобрѣла законы, научила нравственности и доброму порядку жизни. Къ тебѣ прибѣгаемъ, у тебя просимъ помощи... Одинъ день, проведенный хорошо по твоимъ наставленіямъ, лучше чѣмъ порочное безсмертіе“. Tusc. Quaest. 2.

монаблюденію, къ анализу своихъ внутреннихъ состояній. Столь необходимое для нравственнаго усовершенія сократовское: γνῶθι σεαυτόν, несравненно удобнѣе и легче для философа, чѣмъ для занимающагося какою-либо другою наукою, тѣмъ болѣе, чѣмъ для человѣка, увлеченнаго шумнымъ потокомъ дѣятельной жизни. Съ другой стороны, вращаясь въ мірѣ идей, общихъ понятій, принциповъ, философія невольно пріучаетъ и на явленія нравственной жизни, какъ своей, такъ и чужой, смотрѣть съ высшей, идеальной точки зрѣнія и оцѣнивать ихъ не по ихъ эмпирической видимости, не по временнымъ и случайнымъ ихъ побужденіямъ и результатамъ, но по внутреннему ихъ смыслу и безотносительной цѣнности,—пріучаетъ поэтому относиться къ себѣ и къ другимъ съ тою серьезностію и строгостію, которая возможна только при ясномъ пониманіи высоты нравственнаго идеала и несоотвѣтствія съ нимъ собственнаго нравственнаго состоянія.